НАУКА РУССКОГО МИРА

научный журнал

- Языкознание (филология)
- Всеобщая история, отечественная история
- Теория литературы и текстология
- Культурология и история мировой культуры

№5-2024

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА»

Издание ориентировано на публикацию научных изысканий в таких сферах научного знания, как языкознание (филология), всеобщая история, отечественная история (история Российского государства на разных этапах его развития), теория литературы и текстология, культурология и история мировой культуры.

В частности, филологическая тематика представлена в издании работами, раскрывающими проблематику современной лингвистики и лингвокультурологии, а также теории и истории языка; исследований в области литературоведения, теории и истории отечественной и зарубежной литературы, изучения и взаимовлияния литературных и культурных традиций; совершенствования педагогического мастерства и образовательных технологий в школе и вузе; методики преподавания иностранных языков; теоретических и прикладных аспектов изучения речевой деятельности, языка и культуры, способов анализа художественного текста; практики перевода, а также дидактических аспектов переводческой деятельности.

В области культурологии и искусствоведения тематика работ может быть связана с изучением культурологических воззрений, культуро- и антропогенеза, эволюции и типологии культурных форм, механизма формирования систем культурных ценностей, а также выявления роли культурного наследия в жизни общества (в том числе с учетом национального своеобразия и исторического контекста) и т. д.

В части исторических исследований проблематика очерчивается широким кругом вопросов, касающихся анализа различных периодов мировой и отечественной истории, становления и развития цивилизационных форм, эволюции международных отношений, роли личности в истории, генезиса социальных процессов и политической культуры и пр.

Проблемы истории и теории литературы и искусства раскрываются через анализ всего спектра разновидностей духовной деятельности человека (религиозной, философской, художественной), изучение поэтики художественных произведений (стиля и техники автора), выявление специфики художественного метода, жанрового своеобразия отдельных авторов и художественных школ на различных этапах исторического развития мирового искусства.

Читательская аудитория: представители академической науки – вузовских научных школ, профессорско-преподавательского состава и научно-исследовательских учреждений, независимые исследователи, молодые ученые (в том числе, аспиранты, соискатели, магистранты), а также студенты вузов и средних специальных учебных заведений России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Тексты статей, поступающие в редакцию от авторов, проходят научное рецензирование и в обязательном порядке проверяются на наличие недобросовестного научного цитирования, а также самоцитирования в программной среде «Антиплагиат».

Журнал «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА» издается с 2011 года.
Периодичности издания: шесть раз в год.

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна

Издатель: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»

Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1

Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289

Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ

ISSN электронного сетевого издания 3034-1337

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия Эл № ФС77-87087 от 01 апреля 2024 г.

Языки: Русский, английский

НАПРАВЛЕНИЯ И РУБРИКИ ЖУРНАЛА

- Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологическиенауки).
- Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).
- Исторические исследования.
- Литература.
- Культурология.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Лаврикова Ирина Николаевна
Доктор культурологии, доцент, доцент кафедры правовой и гуманитарной подготовки, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Акчурина-муфтиева Нурия Мунировна
Доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств АРК, Лауреат Государственной премии РК, профессор кафедры Декоративного искусства, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»

Альбеков Нурвади Насруддинович
Доктор филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков и международной коммуникации Чеченского государственного педагогического университета

Андриевская Светлана Владимировна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры технологии и методики преподавания Учреждения образования "Полоцкий государственный университет" (Республика Беларусь)

Билялова Альбина Анваровна
Заведующая кафедрой, доктор филологических наук (профессор), член диссертационного совета КФУ.10.03, эксперт Аттестационной комисси КФУ по гуманитарному направлениюНабережночелнинский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Голикова Татьяна Александровна
Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела факультета, бизнес-технологий РОСНОУ, член союза переводчиков России

Джелилов Ахтем Алиевич
Академик, профессор, доктор филологических наук. Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Долгополова Лилия Анатольевна
Заведующий кафедрой немецкой филологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым "Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова", доктор филологических наук

Зяблова Ольга Александровна
Доктор филологических наук , профессор, Дипломатическая академия МИД России

Иванян Елена Павловна

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Самарский государственный социально-педагогический университет". Действительный член Международной академии наук педагогического образования, продолжатель научной школы П. А. Леканта, автор «Словаря эвфемизмов русского языка», специалист в области семантики и прагматики языковых единиц, теории эвфемии русского языка

Кремшокалова Марина Чафленовна

Доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино – Балкарского государственного университета им. Х.М.Бербекова

Кудинова Таисия Анатольевна

Доктор филологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет, профессор кафедры педагогики; Луганский государственный педагогический университет, профессор кафедры романо-германской филологии

Лелис Елена Ивановна

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Мапельман Валентина Михайловна

Профессор Московского городского педагогического университета (профессор, доктор философских наук)

Минералова Ирина Георгиевна

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков, Московский педагогический государственный университет (Москва)

Павлова Елена Касимовна

Доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова МГУ (Москва)

Похилько Александр Дмитриевич

Доктор философских наук, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»

Сложеникина Юлия Владимировна

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии, Университет «Синергия» (Москва)

Соловьев Владимир Михайлович

Историк, культуролог, доктор исторических наук, профессор, специалист по отечественной истории и культуре. Профессор кафедры мировой культуры в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), является ассоциированным сотрудником Социологического института РАН и сотрудником Международного центра изучения русской при Институте философии Санкт-Петербургского университета

Шкунов Владимир Николаевич

Доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель школы Российской Федерации, Член Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН

*****

EDITOR-IN-CHIEF

Lavrikova Irina Nikolaevna
Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Legal and Humanitarian Training Department, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot

EDITORIAL BOARD

Akchurina-muftieva Nuriya Munirovna
Doctor of Art History, Professor, Honored Artist of the Republic of Crimea, Laureate of the State Prize of the Republic of Kazakhstan, Professor of the Decorative Arts Department, Crimean Engineering Pedagogical University

Albekov Nurvadi Nasruddinovich
Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages and International Communication of the Chechen State Pedagogical University

Andrievskaya Svetlana Vladimirovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Technology and Teaching Methods of the Polotsk, State University Educational Institution (Republic of Belarus)

Bilyalova Albina Anvarovna
Head of the Department, Doctor of Philology, professor, member of the Dissertation Council of KFU.10.03, expert of the KFU Attestation Commission for the Humanities, the Berezhnochelninsky Institute (branch), Kazan (Volga Region) Federal University

Golikova Tatyana Alexandrovna
Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Publishing, Faculty of Business Technologies, ROSNOU, member of the Union of Translators of Russia

Dzhelilov Akhtem Aliyevich
Academician, Professor, Doctor of Philology. Institute of Media Communications, Media Technologies and Design, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Dolgopolova Lilia Anatolyevna
Head of the Department of German Philology of the Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Doctor of Philology

Zyablova Olga Alexandrovna Doctor of Philology, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Ivanyan Elena Pavlovna
Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian Language Department, Culture of Speech and Methods of teaching them, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Samara State Socio-Pedagogical University". Full member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, a follower of the scientific school of P. A. Lekant, the author of the

Dictionary of Euphemisms of the Russian Language, a specialist in the field of semantics and pragmatics of linguistic units, the theory of the euphemism of the Russian language.

Kremshokalova Marina Chaflenovna
Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics of Kabardino – Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Kudinova Taisiya Anatolyevna
Doctor of Philology, Associate Professor, Rostov State Medical University, Professor of the Department of Pedagogy; Lugansk State Pedagogical University, Professor of the Department of Romano-Germanic Philology

Lelis Elena Ivanovna
Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Mapelman Valentina Mikhailovna
Professor, Doctor of Philosophy, professor of the Moscow City Pedagogical University

Mineralova Irina Georgievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of the XX-XXI centuries, Moscow Pedagogical State University (Moscow).

Pavlova Elena Kasimovna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of English for the Humanities, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Alexander Dmitrievich Pokhilko
Doctor of Philosophy, Professor of the Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Armavir State Pedagogical University"

Slozhenikina Yulia Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology, Synergy University (Moscow)

Solovyov Vladimir Mikhailovich
Historian, cultural critic, Doctor of Historical Sciences, professor, specialist in national history and culture. Professor of the Department of World Culture at Moscow State Linguistic University, is an associate fellow of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences and an employee of the International Center for the Study of Russian at the Institute of Philosophy of St. Petersburg University

Shkunov Vladimir Nikolaevich
Doctor of Historical Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Teacher of the School of the Russian Federation, Member of the Expert Council under the Government of the Russian Federation, Leading researcher at the Volga branch of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Горячева Ольга Николаевна, Полькина Гульнур Маннуровна
КОЛОРИСТИКА В ЛИРИКЕ Ф.И. ТЮТЧЕВА **13**

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Атаева Майса Аманбаевна
ВЫРАЖЕНИЕ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ ВРЕМЕННЫМИ ФОРМАМИ ГЛАГОЛА В ТУРКМЕНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ **19**

Дун Жуйлин
АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОЦЕССЫ АДАПТАЦИИ И ВЛИЯНИЕ НА ЯЗЫКОВУЮ СИСТЕМУ **28**

Пирманова Назира Исмековна
ДИАЛЕКТИЗМЫ В КАЗАЧЬЕЙ РЕЧИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ **34**

Се Синьи
ОБРАЗ АННЫ КАРЕНИНОЙ: ОТ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОТОТИПОВ К СОВРЕМЕННЫМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ИНТЕРПРЕТАЦИЯМ **40**

Шабанова Наталия Александровна
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННОГО СИМВОЛА «РОЗА» В ПОЭЗИИ А.С. ПУШКИНА КАК ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ПОЭТА **46**

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Николаева Наталья Николаевна, Пискунов Вениамин Романович
КОНЦЕПТ TREGUA В СОЧИНЕНИЯХ НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ **52**

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Бобоева Зайнура Хомитжоновна
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СУФФИКСА -ДОН И ЕГО АНГЛИЙСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ **58**

Донскова Людмила Александровна, Дудля Максим Максимович
ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ ***64***

Исмаилова Екатерина Константиновна
ПОВЕСТВОВАНИЕ В ДВИЖЕНИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТА «ГРЕБЛЯ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ***71***

Лаврикова Дарья Валентиновна, Лаврикова Ирина Николаевна
ПОТЕНЦИАЛ СООБЩЕСТВА РЕГИОНАЛЬНЫХ БЛОГЕРОВ В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ **76**

*****

CONTENT

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Goryacheva Olga Nikolaevna, Polkina Gulnur Mannurovna
COLORISTICS IN F.I. TYUTCHEV'S LYRICS **13**

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Ataeva Maisa Amanbaevna
THE EXPRESSION OF TEMPORALITY BY THE TEMPORAL FORMS OF THE VERB IN THE TURKMEN AND RUSSIAN LANGUAGES **19**

Dong Ruilin
ENGLISH LOANWORDS IN RUSSIAN: ADAPTATION PROCESSES AND IMPACT ON THE LANGUAGE SYSTEM **28**

Pirmanova Nazira Ismekovna
DIALECTISMS IN THE COSSACK SPEECH: THE LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT **34**

Xie Xinyi
THE IMAGE OF ANNA KARENINA: FROM HISTORICAL PROTOTYPES TO MODERN LITERARY INTERPRETATIONS **40**

Shabanova Natalia Alexandrovna
THE FUNCTIONING OF THE TRADITIONAL SYMBOL "ROSE" IN A.S. PUSHKIN'S POETRY AS AN EXPLICATION OF THE POET'S CONCEPTUAL SPHERE **46**

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Nikolaeva Natalia Nikolaevna, Piskunov Veniamin Romanovich
THE CONCEPT OF TREGUA IN THE WRITINGS OF NICCOLO MACHIAVELLI **52**

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Boboeva Zainura Khomitzhonovna
MORPHOLOGICAL FEATURES AND WORD-FORMATION POTENTIAL OF THE SUFFIX -DON AND ITS ENGLISH EQUIVALENTS **58**

Donskova Lyudmila Alexandrovna, Dudlya Maxim Maksimovich
FEATURES OF COMMUNICATIVE TOLERANCE IN A LITERARY TEXT ***64***

Ismailova Ekaterina Konstantinovna
NARRATIVE IN MOTION: THE LINGUISTIC ASPECT OF THE CONCEPT OF "ROWING" IN ENGLISH-LANGUAGE FICTION ***71***

Lavrikova Daria Valentinovna, Lavrikova Irina Nikolaevna
THE POTENTIAL OF THE COMMUNITY OF REGIONAL BLOGGERS IN SHAPING THE COMMUNICATIVE STRATEGY OF THE TERRITORY'S BRAND **76**

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 811.161.1

КОЛОРИСТИКА В ЛИРИКЕ Ф.И. ТЮТЧЕВА

Горячева Ольга Николаевна
Доцент, кандидат филологических наук, доцент,
Набережночелнинский государственный педагогический университет,
г. Набережные Челны, Россия
E-mail: Olganikgor@mail.ru
SPIN-код 1967-1376

Полькина Гульнур Маннуровна
Доцент, кандидат филологических наук, доцент,
Набережночелнинский государственный педагогический университет,
г. Набережные Челны, Россия
E-mail: gulnurpolkina@gmail.com
AuthorID: 1063908

В статье исследуется колоративная лексика на материале стихотворений Ф.И. Тютчева. Цвет является одной из важных характеристик мира, а колоративная лексика, используемая поэтом, позволяет проявиться его мировосприятию. Актуальность исследования связана с изучением колоративов-эпитетов для глубокого понимания мировоззрения поэта, так как цвет является одной из основных характеристик окружающего мира.

Для достижения цели работы: определения роли колоратива в поэзии Ф.Тютчева, исследованы эпитеты цветопередачи и частотность их использования в лирике Ф.И. Тютчева. Опираясь на сравнительно – типологический и описательный методы литературоведческого анализа, в работе выявлены доминирующие цветовые акценты, закрепленные в поэзии Тютчева. Практическая значимость работы определяется возможностями ее применения в литературоведческом анализе и учебном процессе при изучении поэзии Ф.И. Тютчева.

Ключевые слова: Ф.И. Тютчев, колоратив, мировосприятие, цветопередача, семиотика, лирика, картина мира, русская литература.

COLOURISM IN THE LYRICS OF F.I. TYUTCHEV

Goryacheva Olga Nikolaevna
Associate Professor, candidate of philological sciences, associate professor,
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University,
Naberezhnye Chelny, Russian Federation,
E-mail: Olganikgor@mail.ru
SPIN-код 1967-1376

Polkina Gulnur Mannurovna
Associate Professor, candidate of philological sciences, associate professor,
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University,
Naberezhnye Chelny, Russian Federation
E-mail: gulnurpolkina@gmail.com
AuthorID: 1063908

The article studies the colourative lexicon on the material of F.I. Tyutchev's poems. Colour is one of the important characteristics of the world, and the colorative vocabulary used by the poet allows his worldview to manifest itself. The relevance of the study is related to the study of coloratives-epithets for a deep understanding of the poet's worldview, as colour is one of the main characteristics of the surrounding world.

To achieve the goal of the work: to determine the role of colourativ in the poetry of F.Tyutchev, the epithets of colour and the frequency of their use in the lyrics of F.I. Tyutchev have been studied. Relying on comparative-typological and descriptive methods of literary analysis, the work reveals the dominant colour accents fixed in Tyutchev's poetry. The practical significance of the work is determined by the possibilities of its application in the literary analysis and educational process in the study of F.I. Tyutchev's poetry.

Keywords: F.I. Tyutchev, colourative, worldview, colour rendition, semiotics, lyrics, picture of the world, Russian literature.

*****

Лирические стихотворения Ф.И. Тютчева занимают особое место в поэзии золотого века. Это связано в первую очередь с глубоким философским наполнением произведении и в то же время языковым богатством, выразительностью поэтической речи. Его поэзия настолько многогранна, что служила источником изучения как для отечественных ученых: Л.В. Пумпянский, [7], Т.В. Федорова [10], Ю.Н. Чагайда [12] так и зарубежных исследователей: С.Н. Милорадович [5], S. Begaliyeva, E. Shmakova и др. [13].

Научные исследования цвета и его восприятия, не носили систематический характер, так как больший интерес вызывали психологические, социальные и философские аспекты произведений. Каждый писатель использовал цвет интуитивно, в соответствии со своими художественными целями, осознавая возможности в создании атмосферы, образов и символики в произведениях. Например, мрачные, темные тона могли передавать меланхолическое настроение, в то время как яркие цвета символизировали радость или надежду на лучшее. Создавая образ лирического героя, цветопись использовали чтобы подчеркнуть внутренний мир или социальное положение. Теория колористики не была центральной темой для русской литературы XIX века, но цвет играл важную роль в создании художественного образа в поэтических произведениях. Изучение использования цвета в русской литературе позволяет глубже понять творчество писателей того времени и оценить богатство их художественного языка.

В лингвистических трудах, посвященных поэзии Ф.И. Тютчева, практически не раскрыты функции художественных средств выразительности для отражения мировосприятия поэта. Актуальность исследования связана с изучением колоративов-эпитетов для глубокого понимания мировоззрения поэта, так как цвет является одной из основных характеристик окружающего мира.

Для достижения цели работы: определения роли колоратива в поэзии Ф.Тютчева, исследованы эпитеты цветопередачи и частотность их использования в лирике Ф.И. Тютчева.

Методы исследования: в работе использовались сравнительно-типологический и описательный методы литературоведческого анализа.

Уже современники, в том числе поэты Н.А. Некрасов, А.А. Фет, обратили внимание на многогранный поэтический талант писателя, а Н.Некрасов причислил

его «к русским первостепенным поэтическим талантам» [6, С. 220]. В работе «Поэзия Ф.И. Тютчева» В.С. Соловьев отметил языковые особенности лирики Ф.Тютчева, подчеркнув их созвучие «с жизнью природы» [8, С. 105]. Особенностью тютчевской поэзии стали повторяющиеся стихотворные образы – дуплеты, неоднократно использованные автором практически без изменений в нескольких произведениях.

Глубокое изучение жизни и творчества Ф.И. Тютчева начинается в XX веке. Высоко оценивая его поэтический слог, В. Ходасевич пишет: «Язык, которому Пушкин еще только учился, Тютчев уже знал [11]. На языковые особенности лирики поэта обратил внимание В. Брюсов, который отмечал его мастерство в описании гармонии природы и состояния души. Немецкий исследователь С.Н. Милорадович подчеркивает важнейшие аспекты художественного мировоззрения Ф.И.Тютчева, связывая их с религиозными мотивами: «Языческие стихии мира, грозящие привести все в состояние «враждебного хаоса», отступают у Тютчева перед верой в целесообразность мира и его предустановленную гармонию». [5, С. 323].

Языковые особенности поэзии Ф. Тютчева исследовались достаточно детально, выявлялась их связь с природой, однако эпитеты-цветообозначения в его лирике не сразу стали объектом научных исследований.

Подходы к пониманию эстетики Тютчева через колоризм были сформулированы в работе Л.В. Пумпянского «Поэзия Ф.И. Тютчева» [7], в которой сообщается о взаимосвязи цвета и смыслоформы. Из материалов Пумпянского следует, что поэт использовал цветопись для создания образов материального мира, организующих лирическое пространство и настраивающих на восприятие созданных мирообразов.

Характерными для колористики поэта чертами Б.М. Козырев считал использование сложных цветовых определений, метафоричность, обилие адъективно-глагольных вариантов, используемых для передачи процесса обретения или изменения цвета [4, с. 118]. Например, в стихотворении «Восток белел. Ладья катилась…» изображен постепенный стадиальный восход солнца: белел-алел-вспылал. Прием, названный Козыревым «интенсивной динамикой цвета» [4, с. 118] используется и в других стихотворениях Тютчева (Небо бледно-голубое…, Чародейкою зимою… Давно ль, давно ль, о Юг блаженный…), что можно считать проявлением авторского стиля и особым миросозерцательным талантом поэта.

На дейктическую функцию цвета в стихотворениях Ф. И. Тютчева обратила внимание Н.Ю. Абузова, отметившая значимые для поэта явления природы: небо, солнце, луна, гроза и т.д., которые он превращает «в нечто исключительное» [1].

Определяя место поэтической колористики Тютчева в русской литературе, Е.В. Воронец отмечает, что концентрация цветописи наблюдается именно в лирике. Признавая влияние Державина на поэтическое становление поэта, автор указывает на то, что «Ф.И. Тютчев в своих произведениях создал индивидуальную палитру цветов, которая служила ему для создания неповторимых образов» [2, с. 22].

Колористический диапазон Тютчева включает разнообразие базовых цветов и их сочетаний. Цвет – неотъемлемая и в то же время мало исследованная характеристика окружающего мира, имеющая естественную (природную) и искусственную (культурно-созданную человеком) основы. Традиция использования цветописи была заложена в русской литературе классицизма и предромантизма, в соответствии с которой поощрялось использование колорем для создания эстетически привлекательного мироокружения. На протяжении всего пути человечества его сопровождает неотъемлемая характеристика мира – цвет. Выбор цветов в поэзии Ф. Тютчева не был случайным, он отражал его философские взгляды, эмоциональный мир и стремление передать сложные состояния души (см Табл 1.).

Таблица 1

Цветопередача мировоззренческих концепций в лирике Ф.И. Тютчева

№ п/п	Цвет	Значение	Произведение	Символ
1.	Черный:	трагическое / философское настроение	Silentium Ночное небо так угрюмо (все потемнело)	бездна, тайна, вечность
2.	Белый	безмолвие/ величие природы.	Восток белел Святые горы Чародейкою зимою	чистота, свет, бесконечность,
3.	Красный:	выражения сильных эмоций, страстей/ конфликтов.	Закат звезды ее кровавый Пожары	жизнь, страсть, огонь,
4.	Зеленый	радость и возрождение.	Весенние воды Неохотно и несмело Как сладко дремлет сад темно-зеленый	молодость, природа, жизнь, обновление
5.	Золотой	превосходство, проявление божественного	Летний вечер (солнца раскаленный шар) Есть в осени первоначальной День и ночь (Покров наброшен златотканный) Святая ночь (золотой покров)	солнце, свет, богатство,
6.	Голубой/ Синий	меланхолия, грусть.	Небо бледно-голубое… Весенняя гроза, Утро в горах По равнине вод лазурной Венеция	Небо, вода, бесконечность, мечта.
7.	Серебряный	таинственность.	Здесь, где так вяло свод небесный… (сон железный, мох седой) Давно ль, давно ль, о Юг блаженный… (свинцовый небосклон)	Луна, мечтательность,

Поэт, тонко чувствующий малейшие изменения, колебания в природе и в жизни вообще, чутко реагирует на цветовое наполнение окружающего мира: «люблю грозу в начале мая, когда весенний, первый гром, как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом» [9, С. 60]. Богатство эпитетов цветообозначения создает особую палитру поэзии Тютчева В произведениях доминируют синий, зеленый, красный цвета. Первый цвет символизирует тягу поэта к небу, морю как к познанию смысла жизни, созерцание которых всегда в удовольствие для поэта. Например: «и лазурней стало небо, и просторнее сердца» [9, С. 58]. Использование цветовой гаммы для передачи сакрального смысла в философской лирике соотносится с принципами семиотики: «Лазурь небес, и море голубое, и дивная гробница, и скала» [9, С. 67], в соответствии с которыми голубизна неба интерпретируется как граница между светом и тьмою.

Следует обратить внимание еще и на то, что Ф. Тютчев не обращается при этом к колоративу синий, хотя это цветообозначение довольно распространено по отношению к морю и небу. Это может быть связано с языковой чуткостью поэта и его знанием русского фольклора, в котором синий цвет символизирует чужое

пространство, соотносится с персонажами народной демонологии, с переживанием такого чувства как печаль.

На примере стихотворений Ф.Тютчева можно проследить, что пейзаж в литературе имеет не только эстетическое значение, а является важным средством передачи замысла писателя или поэта. Во всех вышеприведенных примерах природа, даже такие ее явления как гроза и молния радуют, одухотворяют поэта.

Зеленый цвет обозначает душевное слияние с природой. Колоратив зеленый чаще всего относится к обширной сфере зеленого цвета – природной. Например: Зеленеющие бреги. Перед нами раздались [9, С. 58], или вдруг над зеленой нивой или садом Невыцветшим заклепы расторгала [9, С. 76].

Красный цвет и его оттенки почти всегда порождают ассоциации со злом, с кровью. Например: «Злосчастный Дух! Как в зареве пожара Твое кроваво-тусклое зерцало, Блестящее в роскошном, свежем цвете, и мир и жизнь так дико отражало!» [9, С. 77].

Оценивая цветопередачу в лирике Ф. Тютчева, исследователи отмечают многообразие солярных символов: луна, заря, солнце, рассвет, которые конкретизируются через использование эпитетов: серебряный, золотой. Использование этих символов в творчестве поэта во многом отражает традиции русской литературы, ассоциируется в сознании читателя с устойчивыми образами.

В единичном количестве мы встречаем другие эпитеты-цвета: розовый (венок), желтистая (чешуя) и др. Часто колоратив становится компонентом сложного слова. Например, в данном случае колоратив золотой, одновременно обозначающий и цвет (золотой, то есть желтый), и ценность, значимость, богатство, становится компонентом сложного слова златокрылый: «напрасно, критик, гонишь ты Их златокрылые мечты» [9, С. 31]. Конечно, колоративы в лирике поэта не ограничиваются вышеприведенными примерами, они гораздо разнообразнее. Так в стихотворении «Как неожиданно и ярко» описывается радуга: «На влажной неба синеве, Воздушная воздвиглась арка <…> О, в этом радужном виденье Какая нега для очей!». Примечательно, что в большинстве случаев колоративная лексика относится к объектам природы, что объясняется стилем и философией Ф. Тютчева, базирующейся на космогоническом мировоззрении.

Изучение колоративов в лирике Ф. Тютчева помогает понять тонкую душу поэта, отмечавшего переплетение в природе нежного (зеленый, голубой лазурный и т.д.) и яркого, передающего зловещую семантику (красный закат и т.д.). Преобладание нежных оттенков в лирике, позволяет предположить выражение авторского мировосприятия: яркое воспринимается им как нечто вражеское. В отношении эпитетов золотой, серебряный поэт не изменяет традициям и употребляет их при описании луны и солнца. Справедливо утверждение К.А. Калинина, В.А. Сонькина о том, что «лирика Ф. И. Тютчева испытала влияние русской и европейской романтической традиции» [3, С.87], в которой цветовое восприятие исторически играет важную роль. Колористика определяет ассоциативность восприятия жизни человеком, что находит отражение в лирике. Поэты, остро чувствующие мир и имеющие тонкую душевную организацию, стремятся выстроить устойчивые ассоциативные ряды образов. Стихотворения Ф.Тютчева пронизаны идеей единения с природой и космосом, что подчеркивается колоративными эпитетами.

ЛИТЕРАТУРА

1.Абузова Н.Ю. Колористический аспект пейзажа в стихотворениях Ф.И. Тютчева //Актуальные вопросы современной филологии и журналистики № 3(38) 2020. – С. 67-78

2.Воронец Е.В. Место поэтической колористики Ф.И.Тютчева в русской литературе //Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1(10). – С.22-24

3.Калинин К.А., Сонькин В.А. Постижение авторской идеи через ассоциативный анализ художественного текста (на примере стихотворения

Ф.И. Тютчева «Весенняя гроза») //Слово в зеркале истории языка. Сб. ст. V Абрамовских научных чтений. Набережные Челны, 2022. С. 86-91.

4.Козырев Б.М. Из четвертого и других писем: [Письма о Тютчеве] // Ф.И. Тютчев / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Гос. лит. музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева. М.: Наука, 1988. Кн. I. С. 112—119. (Лит. наследство; Т. 97).

5.Милорадович СП. Языческая и христианская стихии в поэзии Ф.И.Тютчева // Русская литература XIX века и христианство. М.,1997. – 323с.

6.Некрасов Н.А. Русские второстепенные поэты // Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем. – IX т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. – С. 190-221.

7.*Пумпянский Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева //Урания. Тютчевский альманах. 1803–1928. – Л.: Прибой, 1928. – С. 9–57.* – [Электрон ресурс]. Режим доступа:http://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/pumpjansk.html; (дата обращения: 14.08. 2024).

8. Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьев В.С. Литературная критика. – М.: Современник, 1990. – С. 105-121.

9.Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Т.I: стихотворения (1813 – 1849). – М.: Изд.: «Классика», 2002. – 547 с.

10.Федорова Т.В. Имена прилагательные как один из компонентов метафоры в поэтических текстах Ф.И. Тютчева //Сб.: Ф.И. Тютчев и русская культура. Материалы Национальной научно-практической конф., посвященной 220-летию со дня рождения Ф. И. Тютчева. Брянск, 2023. С. 216-222.

11.Ходасевич В. О Тютчеве. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0360.shtml; (дата обращения:14.08. 2024).

12.Чагайда Ю.Н. Художественное своеобразие пейзажной лирики Ф.И. Тютчева //Этносы и судьбы в жизни и творчестве Ф.И. Тютчева: теория и практика (к 220-летию со дня рождения). Колл. монография. Брест, 2023. С. 180-185.

13.Begaliyeva S., Shmakova E., Ryssaldiyev Zh., Aliakhunova R. Language concepts «day» and «night» in the poetic world of F.I. Tyutchev (the experience of corpus research), Tiltanym. 2024. № 1 (93). P. 144-154.

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 81'36

ВЫРАЖЕНИЕ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ ВРЕМЕННЫМИ ФОРМАМИ ГЛАГОЛА В ТУРКМЕНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Атаева Майса Аманбаевна
Преподаватель кафедры русской литературы,
Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммеда Азади Туркменистан, город Ашхабад
E-mail:*maysa.atayewa.1984@gmail.com*

В данной статье рассматривается сравнительное изучение системы обозначений времени языков разной структуры. Эта система, являясь системой временного пространства, позволяет нам определить концепцию временных отношений, существующих во всех языках. Лингвистическое исследование дает основание для подробного изучения того или иного явления с целью определения сходства и различия изучаемых языков. Таким образом, они способствуют выявлению общего и частного в типологии, исходя из специфики каждого языка. Разные виды средств грамматического и лексического уровней, выражающие и именующие общевременные значения, не исключают друг друга, а связаны отношениями, позволяющими обнаружить эту закономерность. Объектом изучения являются структура и значение категории временных отношений глагола, и ее выражение в слове, в предложении и в тексте в туркменском и русском языках. Значимость научного исследования вызвана рядом факторов:

- в рассматриваемых языках еще полностью не выявлена структура содержания темпорального значения глагола;
- не определен единый механизм средств выражения темпорального значения глагола в русском и туркменском языках;
- не описаны и не разработаны основополагающие методы сопоставительного анализа категории темпорального значения глагола в туркменском и русском языках, позволяющие подробно раскрыть специфику содержания и функционирования этой категории в сопоставляемых языках. В научном исследовании применяются следующие методы: метод лингвистического анализа (фрагментарный, контекстуальный, распределительный); сопоставительный анализ теоретических принципов понятия «время» как фундаментальной категории бытия в лингвистической и лингводидактической литературе, связанной с употреблением глагола в туркменском и русском языках. Объектом исследования являются примеры из книги уважаемого Героя Аркадага Гурбангулы Бердымухамедова «Духовный мир туркмен».

Ключевые слова: темпоральность, категория времени, функционально-семантическое поле темпоральности, сопоставление, генерация времени, временные отношения, аффиксы, исследование.

EXPRESSION OF TEMPORALITY BY TEMPORARY FORMS OF VERB IN TURKMEN AND RUSSIAN LANGUAGES

Atayeva Maysa Amanbayevna
lecturer at the department of Russian literature,
Dovletmammed Azadi Turkmen National Institute of World Languages
Turkmenistan, Ashgabat city
E-mail:*maysa.atayewa.1984@gmail.com*

In this article, a comparative study of the time notation system of languages of different structure is considered. This system, being a system of temporal space, allows us to define the concept of temporal relations existing in all languages. Linguistic research gives the basis for the detailed study of this or that phenomenon in order to determine the similarities and differences of the studied languages. Thus, they contribute to the identification of the general and the particular in the typology, as a result of the specificity of each language. Different types of means of grammatical and lexical levels, expressing and naming contemporary meanings, are not mutually exclusive, but are connected by relationships that allow us to detect this regularity. The object of study is the structure and meaning of the category of time relations of the verb and its expression in the word, in the sentence and in the text in the Turkmen and Russian languages. The importance of scientific research is caused by a number of factors: 1. In the languages under consideration, the semantic structure of the temporal meaning of the verb has not yet been fully revealed; 2. What is the specific mechanism of means of expressing the temporal meaning of the verb in Russian and Turkmen languages; 3. Neither described nor developed fundamental methods of comparative analysis of the category of temporal meaning of the verb in Turkmen and Russian languages, allowing to reveal in detail the specifics of the content and functioning of this category in comparable languages. The following methods are used in scientific research: the method of linguistic analysis (fragmentary, contextual, distributional); comparative analysis of the theoretical principles of the concept of "time" as a fundamental category of existence in linguistic and linguistic didactic literature, connected with the use of the verb in the Turkmen and Russian languages. The object of the research is an example from the book of Hero Arkadag Gurbanguly Berdimuhamedov "Spiritual world of Turkmen".

Keywords: temporality, time category, functional-semantic field of temporality, comparison, time generation, temporal relations, affixes, study.

*****

В современном языкознании большой интерес вызывает проблема взаимодействия языка с координацией деятельности человека. Человек как социальный объект применяет язык как систему знаков, и с помощью этой системы происходит поток, формирование и хранение информации предназначенных для общества в целом. Информация, взаимодействуя с окружающим миром, способствует воплощению когнитивного развития. Собственно язык приобретает деятельностно-мыслительную роль в процессе коммуникации между источником информации и ее рецептором. Создается новая теория знаний о структурировании, совершенствовании и передачи информации посредством языка. Таким образом, происходит лингвистическая трансформация подходов к языку и методов исследования языка в различных аспектах.

Данная трансформация в многочисленных научных трудах выражается в стремлении объединить теоретический материал с различными сторонами речевой коммуникации, а именно, с действием выражения, что подразумевает анализ языка во взаимосвязи с мировоззрением носителей данного языка.

Сюда же можно отнести и исследования грамматики. Как и в других областях лингвистики, здесь появляются новые возможности для возникновения важных вопросов и формирования новых подходов в их решении. Всё вышеизложенное относится и к изучению временных отношений глагольных форм русского и туркменского языков.

Объектом изучения являются структура и значение категории временных отношений глагола, и ее выражение в слове, в предложении и в тексте в туркменском и русском языках.

Значимость научного исследования вызвана рядом факторов:

1. В рассматриваемых языках еще полностью не выявлена смысловая структура темпорального значения глагола;

2. Не определен единый механизм средств выражения темпорального значения глагола в русском и туркменском языках;

3. Не описаны и не разработаны основополагающие методы сопоставительного анализа категории темпорального значения глагола в туркменском и русском языках, позволяющие подробно раскрыть специфику содержания и функционирования этой категории в сопоставляемых языках.

В семантической системе языка темпоральные отношения, имея многогранный характер, могут быть выражены с помощью лексических, грамматических (морфологических и синтаксических) и других средств языка. Эти разноуровневые средства языка, объединяясь в так называемое функционально-семантическое поле темпоральности, выражают временные отношения.

Организация функционально-смысловых групп представлена основными и дополнительными группами, локализация которых зависит от уровня их функционально-смысловой выраженности. Взаимосвязь между формирующимися подобным образом внешними и внутренними вариациями устанавливается так, что отдельные системы используют всесторонне свои внешние ресурсы, являясь центром определенного понятия. Вместе с тем, вне центра выступают элементы с недостаточным количеством признаков, нерегулярные и основывающиеся на главной части. Особенность и вариативность такого типа связи заключается в трансформации грамматических значений на лексические и синтаксических на грамматические, иными словами, в роли компенсации в синтагматическом и в парадигматическом аспекте.

Практическая значимость функционально-семантического поля темпоральности состоит в том, что данное понятие может быть использовано во всех языках, то есть это общеконцептуальные положения, опирающиеся на единство концептов воспроизведения внеязыковой действительности в различных языках и лингвистического отражения данных категорий.

Лингвистический аспект, являясь основой функционально-семантического поля, подразумевает внешнюю форму языкового знака (формальное выражение) и внутреннюю форму на грамматическом, лексическом и словообразовательном уровнях. Внутреннее и внешнее содержание раскрывает специфику каждого конкретного языка. Несмотря на некоторые изменения, определенный язык выбирает свой путь из множества потенциальных возможностей выражения определенного понятия, уточняя индивидуальные характеристики на основе общности понятий.

Концепт функционально-семантического поля тесно взаимосвязан с понятием функционально-семантической категории. Такой тип связи идентичен связи между смыслом и моделью, поскольку функционально-семантическое поле представляет собой зону, определяющую функциональный и семантический аспект грамматической категории.

По мнению А.В.Бондарко, языковая структура функционирует в окружающей действительности, иными словами, в мире человеческого разума и его механизмов, во внутреннем мире собственных ощущений, с точки зрения которого мы воспринимаем реальность. Человек воспринимает и познает мир и самого себя только посредством языка, магическая сила которого позволяет человеку проникнуть в тайны бытия и мироздания.

Грамматическая организация темпорального значения высказывания обогащается понятиями о теоретических темпоральных единствах, в которых содержится пертинентная информация о реальном и индивидуальном направлении в отношении пространственных и временных параметров функционирования, определяющих соотнесенность с продолжительностью и периодичностью.

Категориальные значения, как утверждают О.Есперсон и В.Г.Гак, являются центром репрезентации временных отношений и, в действительности, обнаруживаются неразрывно связанными с некатегориальными значениями, расположенными за пределами центра функционально-семантического поля темпоральности. При этом смысловое содержание последних не только конкретизирует семантику временных форм глагола, но и более детально характеризует ее с помощью наречий и существительных.

Таким образом, можно констатировать, что одни языки сопоставляют процесс с моментом речи в пространстве «объективного времени» посредством форм глагольного времени, а другие языки формулируют процесс с точки зрения «субъективного времени» (внутреннего расположения процессов, протекающих во времени), прибегая для этого к видовым противопоставлениям глаголов.

Темпоральные комплексы служат инвариантами значения, которые способны раскрыть конкретные языковые способы выражения универсального и идиоэтнического в грамматических способах выражения временных глагольных форм разноструктурных языков, что может служить основой их сопоставления.

В научной статье представлена система ориентировочных основ грамматического оформления темпоральных понятийных комплексов, которую можно использовать в качестве тестов, отображающих восприятие глагольных форм времени у носителей разносистемных языков.

Разработанная система темпоральных понятийных комплексов нашла свое применение при чтении курсов по теоретической грамматике русского языка на факультете русского языка и литературы Туркменского национального института мировых языков имени Довлетмаммеда Азади. Она была использована при чтении курса по дисциплине «Сопоставительная типология туркменского и русского языков», при обучении методике переводческого дела, а также при обучении туркменскому языку в русскоговорящей аудитории. Основные теоретические положения научной статьи и полученные результаты могут быть применены и при сопоставлении глагольных временных форм и лексических средств, выражающих темпоральное значение в разноструктурных языках.

Целью научного исследования является комплексное изучение семантики, структуры и функционирования категории временного следования глагола в туркменском и русском языках в сравнительно-сопоставительном плане с точки зрения речемыслительной деятельности человека на основе установления логических системных связей с планом содержания и планом выражения языка-эталона, являющегося единой базой для сравнения языковых фактов в их интеракции с внеязыковой действительностью, а также в теоретическом обосновании и практическом изучении системных представлений о глагольных формах туркменского и русского языков, коррелирующих при передаче однотипных по смыслу сообщений.

Предполагаем, что сложная система глагольных форм туркменского и русского языков будет более прозрачной и понятной, если их сопоставление будет осуществляться на единой основе: темпоральной интерпретации действия в сообщениях, которые несут правильное грамматическое оформление семантических признаков времени, составляющих единую часть концептуальной картины мира, присущей носителям туркменского и русского языков.

Методы исследования:

- метод лингвистического анализа: семантический, компонентный, дистрибутивный;

- сопоставительный анализ методологических основ концепта «время» в лингвистической и лингводидактической литературе, касающейся сферы глагола в

туркменском и русском языках;

- метод наблюдения над оформлением темпорального смысла высказываний на русском и туркменском языках.

Материалом исследования послужили примеры из книги уважаемого Героя Аркадага Гурбангулы Бердымухамедова «Духовный мир туркмен».

Специфика выражения категории времени в туркменском и русском языках заключается в том, что туркменский язык характеризует протекание действия по разным оттенкам временного отношения, а русский язык, прежде всего, по завершенности или незавершенности, представляя ту или иную его стадию во времени.

В туркменском языке, как и в русском, прошедшее время глагола обозначает действие или состояние, происходившее до момента речи. В русском языке прошедшее время образуется при помощи суффикса -л. Прошедшее время глагола имеет в туркменском языке следующие разновидности, которые отличаются друг от друга не только формальными показателями, но и своими значениями:

1) прошедшее категорическое время, формальным показателем которого являются аффиксы *-dy/-di*. Например: Onuň has aýdyň hemem ýürege ýakyn duýulmagyndan Ýer ýüzünde gatnaşyklaryň düýpgöter täze hili *döredi*. [8, S. 6]. По прошествии многих эпох, от ясного и чёткого восприятия сути мира на всей Земле *возникло* совершенно новое качество отношений [1, С. 5].

Из данного примера видно, что аффикс *-dy/-di* выражает действие, происходившее до момента речи. Как в туркменском, так и в русском языках действие, обозначенное словами *döredi* / *возникло,* обозначает прошедшее время и демонстрирует соотнесенность с моментом речи.

2) определенный имперфект *-ýardy/-ýärdi*. Например: Gurnaklara gatnamaly ýerimiz uzak bolandygy üçin, okuwymyza ýetişmek *kynrak düşýärdi.* [8, S. 143]. Поскольку в кружки нужно было идти далеко, учащиеся *не успевали* иногда *приходить* в школу к началу занятий. [1, С. 140].

В данных примерах глаголы *kynrak düşýärdi / не успевали приходить* обозначают незавершенное длительное действие. Соотнесенность с моментом речи подчеркивает соответствие данных глаголов прошедшему времени несовершенного вида. В основном подобные формы употребляются в третьем лице множественного числа. В туркменском варианте длительность времени передается аналитической формой *kynrak düşýärdi = сравнительная степень наречия kyn + имперфект düşýärdi,* что в русском варианте передано отрицательной формой *не успевали приходить*. По значению равному *было трудно приходить, трудно успеть*.

3) неопределенный имперфект *-ardy/-erdi*. Например: "Myhman öz rysgaly bilen gelýär. Öýüň ähli şowsuzlygyny hem, dert-belalaryny hem özi bilen alyp gidýär" diýip atam *aýdardy*. [8, S. 290]. Мой отец *говорил*: «Гость приходит со своим достатком. Он забирает все беды и невзгоды дома». [1, С. 281-182].

В отличие от предыдущего примера, в данной форме значение незавершенности и длительности действия сопровождается темпоральным значением нравоучения, совета, морали, которые молодым давали люди пожилого возраста.

4) прошедшее время намерения *-jakdy/-jekdi*. Примеров с этим глагольным аффиксом в книге уважаемого Героя Аркадага Гурбангулы Бердымухамедова «Духовный мир туркмен» обнаружено не было, т.к. прошедшее время намерения используется только в разговорном стиле.

5) давнопрошедшее время *-ypdy/-ipdi*. Например: Şonda biziň bilen goňşuçylykda ýaşaýan ýaşularyň biri hünär öwrenmegiň peýdasy hakyndaky bir hekaýat aýdyp berip, şonuň üsti bilen yzygiderli özüňi kämilleşdirmeseň, işiňe ussat bolmagyň kyndygyny *düşündiripdi.* [8, S. 143]. Тогда один из аксакалов, живших с нами по соседству, *рассказал* нам притчу о пользе освоения профессии. Он *говорил*, что если постоянно над собой не работать, трудно стать мастером своего дела. [1, С. 141].

Из этих примеров видна соотнесенность действия с моментом речи, то есть действие происходит до момента речи. Данные формы несут в себе значение неопределенности субъекта, производившего данное действие (один из аксакалов). Глаголы *düşündiripdi / рассказал, говорил* передают темпоральное значение давнопрошедшего времени и имеет значение наставлений, нравоучительных бесед, которые проводили умудренные жизненным опытом люди.

6) повествовательно-неопределенное прошедшее время **-***an/-en*. Примеров с глагольным аффиксом **-***an/-en* в книге уважаемого Героя Аркадага Гурбангулы Бердымухамедова «Духовный мир туркмен» обнаружено не было, т.к. повествовательно-неопределенное прошедшее время глагола используется только в сказках и сказаниях.

7) прошедшее **+**субъективное время *-ypdyr/-ipdir*. Например: Ondan günbatarda hem çeşmeler, çaýlar, kärizler dag eteginde ýerleşen obalary suw bilen *üpjün edipdir*. [8, S. 15]. И западнее этих мест ручьи, речушки и кяризы *поили* водой сёла предгорной местности. [1, С.14].

Как видно из данных примеров, темпоральное значение выражается давнопрошедшим временем, которое обозначает действие, производимое живыми или неживыми предметами. В данном случае налицо использование такого вида тропа, как олицетворение.

Настоящее время глагола в туркменском и русском языках обычно указывает на действие или состояние, которое происходит в момент речи. В русском языке настоящее время существует только у глаголов несовершенного вида и обозначает продолжающееся, незаконченное время. В русском языке формальным показателем глаголов настоящего времени являются личные окончания *-у (-ю), -ешь (-ишь), -ет (-ит), -ем (-им), -ете (-ите), -ут (-ют), -ат (-ят)*.

Настоящее время глаголов в туркменском языке имеют следующие разновидности:

1) настоящее общее *-ýar/-ýär*. Например: Dostluk iki adamyň arasynda bolanda, olaryň maşgalalarynyň agzybirligini *berkidýär*, döwletini *artdyrýar*, olaryň töweregindäkileriň hem hoşgylawlygyna we sylaşyklygyna *täsir edýär*. [8, S. 168]. Дружба двух человек *укрепляет* единство их семей, *приумножает* достаток, *оказывает влияние* на добропорядочность и уважительное отношение окружающих друг к другу. [1, С. 166].

Настоящее общее время, указанное в данных примерах, выполняется в момент речи. Как в туркменском, так и в русском языках настоящее общее время обозначает одновременность сообщаемого действия и момента речи.

2) настоящее конкретное время *du:r, oty:r, ýaty:r, ýö:r*. Например: Ol barlap görse, ähli gymmatly zatlar ýerli-ýerinde *dur*. [8, S. 154]. Он проверил все и убедился в том, что ценности *находятся* на месте. [1, С. 152]. Görse, olaryň diňe biri *otyr*. [8, S. 257]. Смотрит, там *сидит* только один из старцев. [1, С. 151].

Настоящее конкретное время в туркменском языке передается глаголами *du:r (стоит), oty:r (сидит), ýaty:r (лежит), ýö:r (ходит),* которые отличаются своими количественными гласными, которые произносятся более длительно и напряженно. Кроме того, можно говорить и о морфологических особенностях данных глаголов: все они имееют пространственное значение и управляют чаще всего с предложным падежом.

3) настоящее предположительное время *-ýandyr/-ýändir*. Например: Aý ýüzli – gözellik metaforasy, bu hem tötänleýin *döremändir*. [8, S. 33]. Так, не случайно, что метафора «луноликая» *обозначает* неземную красоту. [1, С. 31].

Настоящее предположительное время как в русском, так и в туркменском языках отражает соотнесенность с моментом речи и обозначает действие, происходящее в момент речи. Кроме того, данное значение имеет значение длительности и предположительности действия.

4) настояще-прошедшее время *-amok/-emok, -aňok/-eňok, -anok/-enok; -amyzok/-emizok, -aňyzok/-eňizok, -anoklar/-enoklar*. Например: Olaryň agzyna bir damja suw *degenok*. [8, S. 157]. Ни одна капля воды *не коснулась* их уст. [1, С. 155]. Aýagymyň

çolaklygam – bolar-bolgusyz ýerlere baryp *ýöremok*, bihuda ýeke ädimem *ädemok*. [8, S. 212]. Безногость моя объясняется тем, что я никуда *не хожу, не делаю* не обдуманно *ни* единого *шага*. [1, С. 207]. Kyrk çilläniň gazabyny *göreňokmy*? [8, S. 30]. Разве ты *не видишь*, какой мороз на дворе? [1, С. 27].

Настояще-прошедшее время в туркменском языке несет в себе отрицательное значение, которое включено в аффиксы спряжения глаголов (*-amok/-emok, -aňok/-eňok, -anok/-enok; -amyzok/-emizok, -aňyzok/-eňizok, -anoklar/-enoklar)*, которые соотносятся с личными окончаниями русских глаголов и отрицательными частицами *не/ни*. Действие, выраженное данными глаголами, происходит в момент речи и, к тому же, указывает на постоянство и продолжительность действия.

Будущее время в русском и туркменском языках указывает на действие или состояние, которое может осуществиться после момента речи. В русском языке будущее время глаголов НСВ передается сложной формой (быть+инфинитив), а у глаголов СВ – простой формой, формальными показателями которой являются личные окончания.

В туркменском языке будущее время имеет две разновидности:

1. Будущее некатегорическое *-ar/-er*. Например: Geljek, belmek, maňa öňki görenlerime we ykrar edenlerime meňzemeýän täze bir zady *aýan eder*. [8, S. 8]. Будущее, наверное, *откроет* мне что-то совершенно новое, отличное от того, что я видел и знал ранее. [1, С. 7].

Как видно из данных примеров, форма будущего некатегорического времени в туркменском и русском языках происходит после момента речи и обозначает темпоральное значение возможности совершения действия в будущем.

2. Будущее категорическое *-jak/-jek*. Например: Bu jogaby eşiden patyşanyň hem ýüregine bir heser düşýär, munuň sebäbini bilmese, *ynjalyp biljek däl*! [8, S. 182]. Когда правитель услышал это, он *не смог успокоиться*, пока не узнал причину этого. [1, С. 179].

Будущее категорическое время в туркменском языке образуется при помощи аффиксов *-jak/-jek* и употребляется во всех временах без личных окончаний глаголов. Оно обозначает темпоральное значение будущего времени с непременным обязательным совершением действия.

Основные результаты

Итоги, полученные при анализе, и теоретические выводы могут быть использованы в области общего и сопоставительного языкознания, психолингвистических и когнитивных изысканиях, в теории и практике перевода, в разработке вопросов языкознания сопоставляемых языков, в разработке спецкурсов по сопоставлению разноструктурных языков и лингвистике текста. Практический материал и теоретические положения, и выводы могут быть применены в решении проблемы языковых аналогий, в разработке методов и принципов сравнительно-типологического анализа двух языков.

Исследованию вопросов времени и темпоральности посвящены многочисленные работы русских языковедов. Что нельзя сказать об изучении этого вопроса в туркменском языкознании. Сопоставительный анализ значения темпоральности глаголов в русском и туркменском языках на основе языка-эталона, служащего единой основой для сопоставления языковых явлений в разносистемных языках, являющейся основным предметом нашего исследования, определяет научную новизну статьи. Впервые к рассмотрению темпорального значения глагола в обоих языках привлечены глагольные аналитические структуры и формы косвенных наклонений.

Сопоставительные исследования в языках с различной структурно-типологической организацией позволяют выявить особенности сопоставляемых языков и получить новые результаты на основе единых методов сравнения.

Сопоставительные исследования в языках с различной структурно-типологической организацией представляют интерес не только для сопоставляемых языков, но и для общего языкознания.

Базовые концепты общей картины мира постоянно находятся в центре

внимания лингвистов. Особый интерес вызывает такая универсальная категория картины мира, как время. Любой предмет или явление так или иначе проявляет себя во времени, а сознание человека, используя языковые средства, концептуализирует экстралингвистический опыт во времени и пространстве.

Проведенное исследование позволяет предположить, что выявленные временные значения плана содержания и средства выражения категории временного следования универсальны и могут быть обнаружены и в других языках. Кроме того, следует отметить, что темпоральное значение передается не только глагольными формами, но и различными лексическими единицами, несущими в себе это значение. При сопоставлении языковых материалов были выявлены различные способы выражения темпорального значения. Несмотря на использование различных способов, как в русском, так и в туркменском языках, неизменным сохраняется план содержания, как категория осмысления и восприятия понятия времени.

Научное исследование доказывает тот факт, что понятие категории темпоральности существует не только в русском, но и в туркменском языке. Исследованию в области темпорологии туркменского языка до настоящего времени не уделялось должного внимания. На материале туркменского языка нет исследований, посвященных вопросам изучения категории темпоральности. Несмотря на то, что понятие категории темпоральности отсутствует в грамматике туркменского языка и до сих пор нет единства взглядов о статусе данной категории, мы осмелимся утверждать (на это указывают вышеприведенные примеры), что с точки зрения функционирования и взаимодействия в языке (функционально-семантическое поле) значение темпоральности присутствует в туркменском языке в грамматических конструкциях и выражениях в различных контекстах. Значение временного плана, временные отношения передаются с позиции контекстуального времени.

Хочется надеяться, что теоретическая база туркменского языка будет усовершенствована на основе новейших методов анализа для практического изучения языка в контексте сегодняшнего дня. Считаем, что необходимо создание функциональной грамматики туркменского языка, суть которой состоит в описании грамматических явлений и с точки зрения внешних признаков и системы, и с точки зрения их функционирования в речи.

В результате проведенного исследования мы выяснили, что грамматика туркменского языка нуждается в детальном анализе и доработке, а также в четкой систематизации материала, что обеспечит дальнейшее развитие туркменского литературного языка. Темпоральное значение проявляется на всех уровнях русского и туркменского языков – словообразовательном, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Категория темпоральности как категория времени в широком смысле слова «таит в себе много неразгаданного и неизведанного» и требует глубокого и всестороннего изучения.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, необходимо отметить следующее: вопрос изучения категории темпоральности остается до сих пор актуальным и недостаточно изученным, а также представляет интерес для общего языкознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурбангулы Бердымухамедов. Духовный мир туркмен. – Ашхабад, Туркменская государственная издательская служба, 2020.

2. Баскаков Н.А., Хамзаев М.Я. Сравнительная грамматика русского и туркменского языков. Фонетика и Морфология. Часть 1. – Ашхабад. Туркменское издательство, 1964.

3. Баскаков Н.А., Хамзаев М.Я., Чарыяров Б. Грамматика туркменского языка. Часть I. Фонетика и Морфология. – Ашхабад. Издательство «Ылым», 1970.

4. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы

аспектологии. Текст. – Л., 1983.
5. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. – М., 1990.
6. Гак В.Г. Пространство времени. Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик, 1997.
7. Есперсон О. Философия грамматики. – М., 1958.
8. Gurbanguly Berdimuhamedow. Türkmeniň döwletlilik ýörelgeleri. – Aşgabat. Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2020.
9. Çaryýarow B. Günorta-günbatar türki dillerinde işlik zamanlary. – Aşgabat. Ylym, 1969.
10. Hojaýew B. Türki dilleriň günorta-günbatar toparynda işligiň şert formasy. – Aşgabat. Ylym, 1990.

УДК 81'373.45

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОЦЕССЫ АДАПТАЦИИ И ВЛИЯНИЕ НА ЯЗЫКОВУЮ СИСТЕМУ

Дун Жуйлин
Магистр,
Маньчжуркий институт русского языка, Китай
E-mail:82391232@qq.com

Статья посвящена исследованию англицизмов в современном русском языке, их адаптации и влиянию на языковую систему. Особое внимание уделено фонетическим, морфологическим, орфографическим и семантическим аспектам заимствованных слов. В работе обсуждается вопрос о положительном и негативном влиянии англицизмов на языковую идентичность и культурное наследие русского языка. Статья также рассматривает современные подходы к регулированию заимствований и сохранению лингвистических традиций.

Ключевые слова: англицизм, заимствования в русском языке, адаптация лексики, фонетическая и морфологическая интеграция, лингвистическая ассимиляция.

ENGLISH BORROWED WORDS IN THE RUSSIAN LANGUAGE: ADAPTATION PROCESSES AND INFLUENCE ON THE LANGUAGE SYSTEM

Dong Ruiling
Master degree candidate
Manzhouli Russian Vocational College, China
E-mail:82391232@qq.com

This study examines the integration of Anglicisms into the contemporary Russian language, focusing on their adaptation and influence on the language system. The research delves into the phonetic, morphological, orthographic, and semantic transformations that Anglicisms undergo during their assimilation into Russian. The paper further explores the potential benefits and drawbacks of Anglicisms on the linguistic identity and cultural heritage of the Russian language. The article also examines modern approaches to regulating borrowings and preserving linguistic traditions.

Keywords: Anglicism, borrowings in Russian, adaptation of vocabulary, phonetic and morphological integration, linguistic assimilation.

*****

Английский язык занимает одно из ведущих мест в глобальной коммуникации, его роль в современных международных и межкультурных процессах неоспорима. Влияние английского языка особенно заметно в тех странах, которые активно участвуют в мировой экономике, науке, культуре и технологическом развитии, и Россия не является исключением. В результате, русский язык постоянно подвергается воздействию со стороны английского, что выражается в увеличении числа заимствованных слов.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью анализа и осмысления языковых изменений, связанных с усиленным заимствованием английских слов и терминов. Процесс заимствования вызывает дискуссии о влиянии

англицизмов на русский язык, его культурную идентичность и целостность. Особенно важным представляется вопрос ассимиляции англицизмов в системе русского языка – как в фонетическом и морфологическом, так и в семантическом плане.

Целью исследования является анализ англицизмов в современном русском языке, их адаптации и влияния на языковую систему.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе англицизмов в современном русском языке, учитывающем не только их лексико-семантические характеристики, но и процессы адаптации, фонетико-графические преобразования, а также влияние на языковую систему в целом. Исследование основано на анализе корпусов текстов, отражающих языковую реальность современной России, включая СМИ, социальные сети и повседневную речь носителей русского языка.

Вопрос заимствований в русском языке рассматривался еще с XVIII века, однако особую актуальность он приобрел в последние десятилетия в связи с усилением глобализационных процессов и информационной революцией. Одним из первых исследователей, обращавших внимание на роль заимствований, был Л.П. Крысин, который подчеркивал, что заимствования обогащают язык, предоставляя новые лексические средства для описания явлений, которые ранее не были известны в принимающем языке [8].

Современные исследования англицизмов посвящены не только их количественному увеличению в русском языке, но и их адаптации на различных уровнях – фонетическом, морфологическом и семантическом. Так, А.В. Завадская в своей работе указывает на важность анализа словообразовательных особенностей англицизмов в современном русском языке. Она отмечает, что многие заимствованные слова проходят несколько стадий адаптации: от первоначального проникновения и ограничения в употреблении до полного укоренения и формирования производных слов [7].

Одной из важных причин заимствования англицизмов является стремительное развитие технологий и появление новых понятий, для которых в русском языке отсутствуют точные эквиваленты. М.А. Брейтер, обращает внимание на то, что современные англицизмы в значительной мере проникают в язык через интернет-пространство и массовую культуру [2]. Это подтверждают работы О.А. Муллиновой и Т.А. Муллиновой, которые подтверждают, что англицизмы играют важную роль в формировании интернет-языка, где они часто ассимилируются через транслитерацию и становятся неотъемлемой частью коммуникации [11].

Причины заимствований также рассматриваются в широком контексте социокультурных изменений. Ученые отмечают, что англицизмы проникают в русский язык не только в результате языковых контактов, но и под воздействием социально-психологических факторов. Л.П. Крысин выделяет такие причины, как престижность английского языка и стремление говорящих к экономии языковых средств [8].

Что касается оценки влияния англицизмов на русский язык, здесь можно выделить две основные позиции. С одной стороны, сторонники заимствований, например, И.В. Арнольд, утверждают, что англицизмы играют важную роль в обогащении языка, расширяя его выразительные возможности и предоставляя более точные средства для обозначения новых реалий [1]. И.В. Арнольд также отмечает, что многие заимствования становятся источниками для новых словообразовательных моделей, что способствует развитию языка в целом. Исследование И. О. Захаровой (2023) подтверждает, что англицизмы помогают адаптироваться к современным экономическим условиям и представляют собой неизбежный процесс, который удовлетворяет коммуникативные потребности общества. Исследование показывает, что англицизмы значительно укрепились в русском лексиконе благодаря своей высокой коммуникативной значимости [7].

С другой стороны, существует мнение о негативном влиянии англицизмов на русский язык, особенно в контексте нарушения его лексико-семантической и грамматической системы. В исследовании Ю. А. Дубовского и Т. Б. Заграевской (2021) сделан вывод, что заимствования из английского языка также часто приводят к

нестабильности в устной речи, особенно в вопросах акцентуации и фонетической ассимиляции англицизмов. Это говорит о сложности процесса интеграции заимствованных слов и риске изменения естественного звучания и структуры русского языка, что может в конечном итоге повлиять на его целостность [5].

Англицизмы также следует рассматривать в более широком контексте заимствований из других языков. Исторически русский язык активно заимствовал слова из французского, немецкого, итальянского и других языков. Однако современные англицизмы, в отличие от предыдущих заимствований, характеризуются своим массовым характером и широким охватом разных сфер жизни [12]. Заимствования из французского и немецкого носили более ограниченный характер и затрагивали в основном аристократическую и научную сферы, тогда как англицизмы проникают повсеместно, в том числе в повседневную речь, интернет и массовую культуру.

Адаптация англицизмов в русском языке – процесс, охватывающий несколько уровней: фонетический, орфографический, морфологический и семантический. Этот процесс связан с необходимостью интеграции новых лексических единиц в систему языка, при этом англицизмы не только видоизменяются под влиянием норм русского языка, но и часто становятся источником для дальнейшего словообразования [3]. Рассмотрим механизмы адаптации англицизмов в русском языке на различных уровнях.

Фонетическая адаптация англицизмов в русском языке заключается в замене или модификации звуков, отсутствующих в русском языке. Одним из частых изменений является замена английского звука [θ] (th) на [с] или [т], в зависимости от позиции в слове. Проанализируем примеры:

Гаджет (от англ. gadget): в английском языке слово начинается с [g], который в русском языке обычно сохраняется как [г]. Важно отметить, что звук [dʒ] (дж) в английском слове заменяется на [дж] в русском, что является типичным для адаптации звука [dʒ] на стыке в русском языке. Конечный звук [t] переходит в [т], что типично для сохранения твердых согласных в конце слов.

Флэш (от англ. flash): звук [f] в начале слова сохраняется, поскольку он есть и в русском языке. Английский звук [æ] адаптируется как [э], что также характерно для русской фонетической системы. Конечный звук [ʃ] (ш) соответствует русскому [ш], без изменений.

Диджей (от англ. DJ): Английский аффрикат [dʒ] (как в слове *judge*) передаётся как [дж] в русском языке, что типично для передачи этого звука. Звук [eɪ] в конце слова заменён на [ей], что также характерно для адаптации конечных дифтонгов.

Особую сложность представляет отсутствие в русском языке долгих и кратких гласных, что может приводить к смешению значений слов при адаптации. Например, слова «beat» и «bit» передаются на русском одинаково как «бит», что иногда может вызывать путаницу, особенно в технических и музыкальных контекстах. Слова «chip» и «cheap» могут адаптироваться как «чип». В английском *chip* имеет короткий звук [ɪ], а *cheap* – долгий звук [iː]. В результате их адаптации на русский язык эти слова становятся неразличимыми, что может затруднить понимание в техническом контексте (*chip* – микросхема) и в повседневной речи (*cheap* – дешёвый).

Орфографическая адаптация тесно связана с фонетической, так как в русском языке необходимо подчинять написание заимствованных слов правилам русской графики. Например, слово «фейк» (от англ. *fake*) подверглось полной графической адаптации, где оригинальное написание было заменено транслитерацией, подходящей для русской орфографии. Слова, такие как «файл» (от англ. *file*) и «компьютер» (от англ. *computer*), также подверглись изменениям в написании, чтобы соответствовать русским стандартам.

Однако не все англицизмы адаптируются полностью. В информационных технологиях и названиях брендов часто сохраняются оригинальные написания, такие как «Wi-Fi» и «email». Это связано с глобальной узнаваемостью и международным статусом данных терминов. В то же время, несмотря на сохранение оригинальной

графики, такие слова могут получать русские окончания в определённых контекстах, например, «имейлить» (от англ. *email*).

Морфологическая адаптация англицизмов в русском языке – это процесс интеграции заимствованных слов в грамматическую систему языка, включая род, число, падежные формы, а также присоединение русских суффиксов для образования новых слов. Присвоение рода англицизмам зачастую зависит от звуковой формы или семантики слова [9]. Например, окончание на согласный [к] в слове «чизкейк» делает его типичным для мужского рода в русском языке. Кроме того, это слово относится к категории еды, где многие подобные термины (например, «пирог», «торт») также мужского рода. Сокращение от «flash drive» – «флешка» получает женский род из-за типичного для женского рода окончания на «-а», как, например, в словах «книга» или «мышка».

Склонение заимствованных слов также происходит по общим правилам русского языка. Например, слово «файл» в родительном падеже принимает форму «файла», а в множественном числе – «файлы». Более сложные примеры, такие как «кэшбек» (от англ. cashback), также подчиняются правилам склонения существительных: родительный падеж: «кэшбека», творительный падеж: «кэшбеком», множественное число: «кэшбеки» (ср. также «контента», «контентом», «контенты»; «тренда», «трендом», «тренды»).

Глаголы, заимствованные из английского, часто получают суффиксы «-ить» или «-ать» для приспособления к русской системе спряжения. Например, «форсить» (от англ. to force), «гуглить» (от англ. to google), «троллить» (от англ. *trolling*), «чекать» (от англ. *to check*) и «юзать» (от англ. *to use*) и др.

Прилагательные как правило адаптируются с помощью суффиксов -ый, -ический или -ичный. Например «рандомный» (от англ. *random*), «легитимный» (от англ. legitimate), «прагматичный» (от англ. *pragmatic*), «энергетический» (от англ. *energy*) и др.

Семантическая адаптация англицизмов предполагает изменения их значений при вхождении в новый языковой контекст. Заимствованные слова могут либо сохранять свои исходные значения, либо приобретать новые, отражающие специфику русской языковой картины мира. Например, слово «стартап» (от англ. *startup*) в русском языке сузило своё значение и теперь чаще используется для обозначения технологических или инновационных предприятий. В английском языке это слово имеет более широкий смысл и может относиться к любому новому бизнесу. Слово «фейк» (от англ. *fake*) в русском языке приобрело несколько специфическое значение, чаще всего ассоциируясь с ложной информацией в интернете и СМИ. В английском языке это слово также может относиться к поддельным физическим объектам, тогда как в русском контексте оно почти всегда связано с концепцией дезинформации. Некоторые англицизмы приобретают в русском языке новые коннотации, которые отсутствуют в языке-источнике. Например, слово «абьюз» (от англ. *abuse*) в русском языке используется в основном для обозначения жестокого обращения в межличностных отношениях, тогда как в английском языке это слово имеет более широкое значение и может охватывать любые виды злоупотреблений. Слово «кейс» (от англ. case) в русском языке основном используется в значении «пример» или «ситуация», в частности в профессиональной сфере (например, «кейс из практики», «маркетинговый кейс»), тогда как в английском языке оно может означать юридическое дело, случай, ситуацию, пример или контейнер. В модной среде слово «лук» (от англ. look) активно используется для обозначения конкретного наряда или комплекта одежды, и чаще всего – с акцентом на внешний стиль. В английском языке слово «look» имеет гораздо более широкое значение и не используется так специализированно, как в русском контексте.

Анализ приведенных примеров демонстрирует, что влияние англицизмов на русский язык выходит за рамки простого расширения словарного запаса и затрагивает следующие языковые процессы: 1) развитие морфологии (совершенствование механизмов адаптации иноязычных слов); 2) эволюция словообразования (усложнение и расширение словообразовательной системы).

Благодаря этим процессам, англицизмы способствуют повышению гибкости русского языка, его адаптации к современным реалиям, стимулируя развитие языка в целом.

В научных кругах и в IT-сфере англицизмы часто используются для передачи специфических понятий. Например, понятие «диджитализация» (от англ. *digitalization*) стало стандартным термином для описания перехода к цифровым технологиям. Кроме того, англицизмы расширяют **языковые средства выражения**, предлагая новые формы словообразования. Заимствованные корни, приставки и суффиксы часто становятся основой для создания новых слов в русском языке. Например, такие суффиксы, как -инг и -ер, активно используются для образования неологизмов, таких как «тренинг», «коучинг», «блогер», «геймер». Это обогащает словообразовательную систему русского языка, делая её более гибкой.

Несмотря на очевидные преимущества, англицизмы могут оказать и негативное влияние на русский язык. Одной из основных проблем является **угроза языковой идентичности**. Чрезмерное использование англицизмов может привести к замещению или вытеснению исконно русских слов и выражений, что в долгосрочной перспективе ослабляет культурные и исторические корни русского языка. Другой важной проблемой является **разрушение традиционных грамматических и фонетических норм.** Встречаются англицизмы, которые не всегда подчиняются традиционным нормам словообразования русского языка, что может привести к изменению языка в долгосрочной перспективе. Например, «селебрити» (от англ. celebrity), «джиу-джитсу» (от англ. jiu-jitsu), «реалити-шоу» (от англ. reality show), «хобби» (от англ. hobby) и др. функционируют в русском языке как неизменяемые, не склоняются по падежам, что противоречит традиционным правилам русского языка.

Особую озабоченность вызывает тенденция к появлению **ненужных заимствований**. Часто используются англицизмы, для которых в русском языке уже существуют адекватные аналоги. Примерами могут служить замены слов «обучение» на «тренинг», «мероприятие» на «ивент», «содержание» на «контент», «наставничество» на «коучинг», «тенденция» на «тренд». Такие заимствования не только обедняют язык, но и могут создавать сложности в восприятии для тех, кто не знаком с английским языком.

Дискуссия о «чистоте языка» и необходимости регулирования заимствований ведётся на протяжении многих десятилетий. Одни лингвисты и культурные деятели считают, что заимствования могут разрушить самобытность языка и ослабить его культурные корни. Эти специалисты выступают за ограничение англицизмов, особенно в официальных документах и медиа, чтобы сохранить «чистоту» русского языка и защитить его от чрезмерного влияния извне. Исследование Гуляевой Е.В. и коллег (2021) подтверждает риски неверной интерпретации заимствований в медиа, что может привести к коммуникативным сбоям. Исследование показало, что многие носители русского языка не понимают значения новых англицизмов, активно используемых в медиа, что подтверждает необходимость ограничения их использования для предотвращения искажений в официальных текстах [4].

В работе И. А. Меркуловой и Е. А. Проценко (2022) исследованы особенности использования иноязычных слов в российских СМИ и выявлено, что активное проникновение англицизмов в русский язык может повлиять на их ассимиляцию и понимание у носителей языка, что требует контроля за заимствованиями [10].

В Китае правительство также стремится ограничить англицизмы, особенно в сфере образования. Политика регулирования заимствований направлена на защиту национального языка и поддержание культурных ценностей, что отражается в образовательной системе [15].

Исследования показывают, что политика ограничения англицизмов в Китае направлена на сохранение культурной идентичности и национальных ценностей. Например, исследование Я. Ма (2023) подчеркивает важность интеграции национальной культурной безопасности в образовательные программы, что помогает защитить культурную идентичность, особенно в контексте глобализации и усиления влияния иностранных языков [14].

Исследование И. Го и Х. Гао (2023) показало, что преподавание английского языка может вызвать культурную неопределенность среди учащихся, особенно в раннем возрасте. Китайский язык продолжает оставаться важнейшим средством выражения культурных устремлений, несмотря на влияние английского языка [13].

Приведенные исследования подтверждают, что регулирование возможно, но его эффективность зависит от того, насколько оно сбалансировано и соответствует потребностям общества.

Язык должен оставаться живой и развивающейся системой, но важно помнить о его корнях и идентичности, чтобы сохранить стилистическое и семантическое разнообразие, которое делает русский язык уникальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие / И.В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 376 с.
2. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: пособие для иностранных студентов-русистов. – Владивосток: Диалог, 1998. – 215 с.
3. Гилязева Э. Н. Особенности ассимиляции англицизмов в немецком языке (семантический аспект) / Э. Н. Гилязева, Л. В. Базарова, Д. Д. Хайруллина // Reports Scientific Society. – 2023. – № 2(34). – С. 42-45.
4. Гуляева Е. В. Употребление заимствований в современных СМИ: коммуникативные риски / Е. В. Гуляева, М. В. Денисенко, И. С. Никитина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 146-157.
5. Дубовский Ю.А. Нестабильная фонетическая вариантность англицизмов в устном русскоязычном пространстве (социофонетическое экспериментальное исследование) / Ю.А. Дубовский, Т.Б. Заграевская // Язык и культура. – 2021. – № 55. – С. 41-55.
6. Завадская А. В. Роль англицизмов в словообразовательной системе русского языка / А. В. Завадская // Балтийский гуманитарный журнал. – 2015. – № 1(10). – С. 31-33.
7. Захарова И.О. Современная терминология менеджмента: англицизмы как средство адаптации к новым экономическим реалиям / И.О. Захарова // Вестник университета. – 2023. – № 8. – С. 109-115.
8. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / ред. Е. А. Земская. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 143-161.
9. Ли Ц. Методы грамматического анализа в русском языке / Ц. Ли // Начала Русского мира. – 2023. – № 6. – С. 31-35.
10. Меркулова И.А. Функционирование перекодированной лексики в русском медиапространстве / И.А. Меркулова, Е.А. Проценко // Русистика. – 2022. – Т. 20. – № 3. – С. 284-297.
11. Муллинова О. А. Интернет-пространство как источник заимствований в современном русском языке / О. А. Муллинова, Т. А. Муллинова // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2019. – № 4. – С. 72-78.
12. Рзаева С. М. Особенности заимствования англицизмов в русский язык / С. М. Рзаева // Казанская наука. – 2022. – № 9. – С. 92-94.
13. Guo Y., & Gao X. The Impact of Learning English on Chinese Pre-schoolers' Identity Aspirations / Y. Guo, X. Gao // Sage Open, 2023. – Volume 13, Issue 1.
14. Ma Yamin. Reflection on Theory and Practice of Foreign Language Education from the Perspective of National Cultural Security / Yamin Ma // Curriculum and Teaching Methodology. – 2023. – Vol. 6. – P. 75-81.
15. Yang X. The Development and Enlightenment of Foreign Language Education Policy of Early 16 Years After the Founding of the People's Republic of China / X. Yang // Journal of Education, Humanities and Social Sciences. – 2023. – 13 – P. 140-145.

УДК 81.2

ДИАЛЕКТИЗМЫ В КАЗАЧЬЕЙ РЕЧИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Пирманова Назира Исмековна
Доцент, кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ «Оренбургский государственный педагогический университет»,
г. Оренбург, Россия
E–mail: nazira056@mail.ru

В статье рассматриваются диалектные лексические единицы, зафиксированные в «Оренбургском областном словаре» Б. А. Моисеева и «Словаре говоров уральских (яицких) казаков-старообрядцев» Н. М. Малечи, что объяснено близостью словарей говоров в содержательном аспекте. Нами выделены лексемы, характеризующие трудовую деятельность, род занятий, уклад и другие реалии уральских казаков. Анализируются лексемы тематической группы, связанные с основным занятием казаков – рыболовством, кроме того, выделены лексемы, связанные с коневодством, более конкретно рассматриваются лексемы, обозначающие масти животных (имена прилагательные). Отмечены диалектизмы, зафиксированные в обоих лексикографических источниках, или отмеченные только в одном словаре.

Диалектная лексика исследуется с целью получения этнокультурной информации об образе жизни, традициях, миропонимании уральских казаков-старообрядцев, известных своей закрытостью, особыми жизненными ценностями и особенностями религиозного характера.

Ключевые слова: диалектная лексика, диалектизм, словарь говоров, лингвокультурологическая информация, рыболовство, коневодство, уральские казаки.

DIALECTISM IN COSSACK SPEECH: LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT

Pirmanova Nazira Ismekovna
Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Orenburg, Russia
E–mail: nazira056@mail.ru

The article examines the dialect lexical units recorded in the “Orenburg Regional Dictionary” by B. A. Moiseev and the “Dictionary of dialects of the Ural (Yaik) Cossacks-Old Believers” by N. M. Malechi, which is explained by the similarity of the dialect dictionaries in the content aspect. We have identified lexemes that characterize the work activity, occupation, way of life and other realities of the Ural Cossacks. The lexemes of the thematic group associated with the main occupation of the Cossacks – fishing are analyzed; in addition, lexemes associated with horse breeding are highlighted; lexemes denoting the colors of animals (adjectives) are considered more specifically. Dialectisms recorded in both lexicographic sources, or noted only in one dictionary, are noted.

Dialectal vocabulary is studied in order to obtain ethnocultural information about the lifestyle, traditions, and worldview of the Ural Cossacks-Old Believers, known for their closeness, special life values and religious characteristics.

Keywords: dialect vocabulary, dialectism, dialect dictionary, linguocultural information, fishing, horse breeding, Ural Cossacks.

*****

Изучение языковых примет казачьих говоров как культурно маркированных единиц актуально в аспекте исследования национально-культурного сознания русского народа.

Казачьи говоры представляют собой универсальную форму накопления и трансляции субэтнического своеобразия языковой картины мира и ценностных ориентиров носителей диалекта. Наиболее ярко этнокультурные особенности восприятия языковой личностью аксиологически значимых явлений проявляются на лексико-фразеологическом уровне. Диалектная лексика как транслятор этнокультурной информации, фразеологические обороты, речевые стереотипы, характерные для говоров разных регионов России, представляют социокультурный пласт, в котором наиболее ярко отражается национально-культурная специфика этноса [1].

Феномен народной речи заключается в том, что она передаёт ценностную картину мира отдельного этнического сообщества. Культурно значимая информация, заключённая в диалектной лексике, фразеологизмах, паремиях, позволяет реконструировать особенности культуры, социального устройства, быта исследуемого языкового сообщества.

Диалектные слова, зафиксированные в Словаре говоров уральских (яицких) казаков-старообрядцев Нестора Михайловича Малечи, ярко характеризуют языковые особенности казачества как субкультурного образования. Нестор Малеча, как чуткий ценитель и заботливый собиратель казачьей речи, сумел сохранить и зафиксировать всю эту языковую галактику. Научную ценность Словаря Н. М. Малечи подчеркивал этнограф Н. М. Щербанов: «это собрание нравственного, философского, житейского, фольклорного опыта, это словесное закрепление многовековой жизни уральского казачества, его энциклопедия» [2, с.16-17].

Борис Александрович Моисеев – собиратель диалектных слов, характерных речи жителей Оренбургской области. Его уникальный труд – Оренбургский областной словарь» – вполне заслуженно можно поставить в одном ряду со словарями В. И. Даля, Н. М. Малечи и другими прекрасными собраниями народного языка.

В данном исследовании обратим внимание на лексику, характеризующую трудовую деятельность казаков, род занятий и другие реалии, указывающие на то, что составляло суть казачьей жизни, зафиксированную в «Оренбургском областном словаре» Б. А. Моисеева и «Словаре говоров уральских (яицких) казаков-старообрядцев» Н. М. Малечи.

Существует мнение учёных о том, что казачество выделяется как особое социальное сообщество – отдельная этно-конфессиональная группа (субэтнос), которое сохраняет конфессиональную особенность – старообрядчество и имеет типические черты.

Как известно, уральские казаки-старообрядцы населяли правобережные районы Гурьевской и Уральской областей нынешнего Казахстана и Первомайский, Илекский, Мустаевский (ныне часть Ташлинского района) и Ташлинский районы Оренбургской области России [2, с. 23].

Специфика диалекта уральских казаков, традиций, быта и жизненного уклада характеризует их как самобытное социокультурное сообщество. Диалектная лексика, как особый социокультурный пласт, отражает этнокультурное своеобразие казачьего субэтноса. К числу ведущих отличительных признаков казачества как субэтноса в первую очередь следует отнести особый язык и традиционную культуру: семейно-бытовую и религиозную обрядность, хозяйство, одежду, пищу.

Основным занятием, кормившим уральских казаков, являлось рыболовство. В трудах Н. А. Бородина детально обрисован рыболовный промысел Яицкого казачьего войска [3].

Самым известным и оригинальным способом было багренье, лов красной рыбы баграми, который производился подо льдом от Уральского учуга и далее вниз по Уралу на так называемых зимовальных ямах (ятовях). По сигналу – удару пушки все

собравшиеся на берегу казаки бегом спускаются на лед и, прорубая его, опускают в воду багор и подцепляют им рыбу, лежащую в ятови или поднимающуюся из неё. Казаки соединяются обыкновенно артелями от 6 до 15 человек. Производится багренье в декабре.

Обратимся к диалектным словам, входящим в лексико-семантическую группу, связанную с рыболовным промыслом уральских казаков.

В речи уральских казаков зафиксировано слово «баграчей». В словаре Н. М. Малечи находим следующую информацию.

«Баграчея поймали – родился мальчик. *Баграчея пумали* [2, с. 84]. Баграчей – казак, проводящий ловлю рыбы багром. *Баграчей – ет забрюченый, подкушаченый, во всей муниции* (казак – рыбак)» [2, с. 83].

Рыболовство во все времена обеспечивало казацкому войску изрядный достаток. Правила рыболовства подробно описаны Н. А. Бородиным [3]. Рыболовства были морские: весенний курхай («курхай»); осенний курхай («жаркое»); аханное (зимнее) и речные: севрюжья плавня или плавня весенняя («севрюги»); осенняя плавня («плавня»); багренье (зимнее); зимнее неводное гурьевское («зимние невода»).

Лексемы «курхай», «аханное», «багренье», «плавня», «зимние невода» говорят о сезонных промыслах уральских казаков и выделяют особенности каждого вида работы.

Опытный, бывалый казак говорил о себе: «Бывал я и в относе».

Быть в относе – находиться на оторвавшейся льдине во время аханной охоты [2, с. 104]. Относ – ситуация, достаточно опасная, представляющая угрозу для жизни рыбака, когда лишь сильные, умелые рыбаки-аханьщики могли спастись во время «лома» льдин на море.

В словаре Б. А. Моисеева находим лексемы, характеризующие трудовую деятельность, будничную работу казаков, проживавших на территории Оренбургской губернии. Пометы словарной статьи называют диалектизмы, зафиксированные в том или ином районе.

К примеру, *котец* – рыболов. Рыболовное устройство на реке из плетней. Котец имеет круглую форму; через узкий проход рыба проникает в котец, плавает там по кругу, а выйти из него не может. *Рыбу ловим сетью, бреднем, котцами* (илек.) [4, с. 183]. В Илекском районе проходит река Урал, которая была богата разной рыбой, в том числе и красной, в особенности близ г. Уральска. Лексема *котец* обозначала запруду, зафиксирована во многих говорах, отражена в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля.

Во время осеннего лова рыбы (плавни) ловится как красная (белуга, осетр, севрюга), так и черная рыба (лещ, сазан, судак, сом и др.), и сообразно с тем, какую рыбу предполагается ловить, ставят «ярыгу» – особого рода мешкообразную плавную сеть.

У слова «котец» есть синоним – *кошак*. Кошак – рыболов. 1. Загородь из плетней, в которые вставляют верши для ловли рыбы. *Здесь можно сразу два кошака поставить* (илек.); 2. Деревянная решетка в учуге, которым перегораживают реку [4, с. 185]. Синонимический ряд однокоренных слов – *кошак, котец, кошачина*.

Лексема *учуг* зафиксирована в обоих словарях.

Учуг – проволочная сетка, которой перегораживали реку Урал около г. Уральска, чтобы крупная река не поднималась вверх по Уралу. *Казаки-уральцы учугом перегораживали Урал, и к нам рыба не доходила* (Илекский р-н) [4, с. 463].

Лештень – рыбол. Плетень из прутьев, которым перегораживают реку при рыбной ловле. *Надо сплести два лештня, чтобы эту речку перегородить* (Сакмарский р-н) [4, с. 220].

Либела (*либера*) – приманка, используемая при ловле рыбы, раков (жареная лягушка, дождевые черви, бабочки). *Раков ловим на либелу*. (Шарлыкский р-н) [4, с. 220].

Котлина – Глубокое место в реке. *В той котлине рыба собирается на зиму* (Сакмарский р-н) [4, с. 183].

Как видим, ряд диалектных слов, называющих предметы, используемые в рыбном промысле, достаточно обширен, что, безусловно, подчёркивает преимущественный характер этой области трудовых занятий уральских казаков.

В словаре Б. А. Моисеева показаны примеры диалектизмов, зафиксированных в речи людей, проживающих в разных районах Оренбургской области, находящихся достаточно далеко друг от друга в территориальном плане. Это может свидетельствовать о том, что отдельные диалектные слова были присущи речи жителей только этого района. Что касается языковых особенностей говора уральских казаков-старообрядцев, можно отметить традиционные черты, конкретные специфические проявления в фонетической и грамматической системах, подчёркивающие принадлежность лексического пласта к данной группе говоров. В речи уральских казаков ярко представлены диалектизмы всех типов: фонетические диалектизмы (*ето, оне*); грамматические (*не слушат; зачем ты их на ножи подбивашь?*); семантические диалектизмы: собственно лексические (*брать надальки; уж и с Ганькой раскандырились?*); лексико-фонетические (*дражнить*); лексико-словообразовательные (*нахарло*).

Хотя земледелие было развито слабо в степной зоне Оренбуржья, из-за непригодности и отдалённости значительной части земель, всё же оно было неотъемлемой частью жизни казаков. Обратимся к диалектизмам данной тематической группы.

Леха – 1. Засеянная ручным способом полоса пашни. *За один день две лехи прошел и десятину засеял* (илек.); 2. Канава на лугу для стока воды. *В леху вся вода стекает* (шарлык.) [4, с. 219].

Лимтух – пласт земли. *Вспахали, а не боронили, и сейчас одни лимтухи на поле лежат* (шарлык.) [4, с. 221].

Косуля – Примитивная соха из согнутой жерди, палки с железным лемехом на конце. *Когда еще сох не было, наши деды косулей пахали* (Соль-илецкий р-н) [4, с. 182].

Другим основным занятием было коневодство на степных хуторах. Конь, как известно, занимал особое место в жизни казака. Во время сева, пахоты, в походе не обойтись казаку без верного спутника и друга – коня.

В словаре Б. А. Моисеева встречается такая иллюстрация: *Адаевский, адайский* – в сочетаниях «адаевская лошадь», «адайская лошадь» – казахская порода лошадей, отличающихся мелким ростом и большой выносливостью (*Раньше киргизы продавали адаевских лошадей*) [4, с. 22]. Связано с лексемой «адаец» – казах (киргиз) адаевского рода, которые кочевали по левобережью реки Урал.

Рассмотрим, как именовались масти лошадей в говорах (соловой, перливной, голубой, начерный, карий, саврасый и др.). Ряд диалектных слов данной лексико-семантической группы достаточно широк. Обратим внимание на слова, характерные говору уральцев.

Соловой – масть лошади или коровы – желтоватый [6, с. 135]. Лингвисты отмечают, что к лексеме «соловой», называющей оттенки серого, в русском языке восходит слово «соловей» [5, с. 353].

Перливной – соловой. *Ето седой конь и красный – перливной* [6, с. 135]. Второе значение лексемы – бледно-рыжий – употреблялось при характеристике человека [6, с. 135].

Мухортый (мухорный) – Масти лошадей: гнеды, рыжи, чалы, мухорты; ето она вроде гнеда, но с желтиной [6, с. 406].

Лексема «мухортый» имеет такую дефиницию в современных толковых словарях: гнедой с желтоватыми подпалинами у морды и в пахах (о масти лошадей). В то же время в переносном значении употребляется при пренебрежительной характеристике слабого, тощего и малорослого человека.

Искаре-гнедой – масть лошади, тёмно-гнедой, но светлее каракового [7, с. 131].

Полово-таргылый – масть крупного рогатого скота или лошади: цвет головы с пятнами и полосами [7, с. 294].

Игрено-лысый – игрено-лысая кобылица [6, с. 405].

Чубарый – 1. Пёстрый, разноцветный, цветной (о ткани). 2. О ребёнке, имеющем сыпь на лице. 3. Веснущатый, с коричневыми пятнами на лице. 4. О растениях – пёстрый, крапчатый, полосатый. О масти животных, об оперении птиц, об окраске птиц и прочих предметах животного происхождения; пёстрый, пятнистый [6, с. 458].

Отметим, что прилагательное *чубарый* заимствовано из тюркских языков, активно использовалось в речи казаков, зачастую употреблялось и однокоренное существительное *Чубарка* – кличка коровы такой масти.

В целом, в названиях животных и их мастей достаточно много тюркизмов (адаец, карий, таргылый и др.), что, несомненно, объясняется проявлением региональной специфики.

Примечательны два прилагательных с обозначением оттенков красного цвета, встречающиеся в речи уральских казаков, для характеристики животных и некоторых предметов – *жаркой* и *палавый*.

Жаркой – одно из значений – огненный, красно-жёлтый (в том числе о тканях) [2, с. 468].

Палавый – масть коров [4, с. 131], у диалектного прилагательного есть вариант *пылавый* – светло-коричневый (о масти коровы) [4, с. 470].

Обратимся к фразеологическим диалектизмам, характеризующим качества человека, отношение к труду: *Одну зорю вгоню, другую выгоню* – от зари до зари. *На людей кизяки делать: одну зорю вгонишь, другу выгонишь* [7, с. 69]. Антонимический характер имеет устойчивое выражение *шоболы околачивать* – бездельничать, повторять одно и то же без конца. *Да хватит шоболы-то околачивать! Скоко можно!* [6, с. 494]. Шоболы – свои вещи, тряпьё; старые вещи [6, с. 494]. Прозвищем «шобол», «шоболов» казаки называли болтуна, либо праздного, ленивого человека.

Жить на легкой земле – жить на легких хлебах, без применения физической силы. *Пятидесятники не должны жить на легкой земле, а нести повинности наряду с казаками* [2, с. 349].

Выбиться в линию – выбиться в люди, приобрести прочное материальное положение и служебное. *Видя вокруг себя нравственное разложение, понятно, что (человек) воспринимает эту форму и, выбившись «в линию», делается маклаком, «тягальщиком» или мироедом* [2, с. 363].

Джибурлак забрал – перен., ирон., – не в меру восторг, дурь напала. *Вас што, джибурлак забрал?* [2, с. 407]. Лексема тюркского происхождения «джибурлак» обозначает: 1) болезнь овец, «вертячка»; 2) болезнь лошадей; 3) перен., сумасшедший [2, с. 407].

Сбить с пахвей – сбить с толку, с панталыку. *Логиныч дурит, совсем с пахвей нас сбил* [4, с. 140]. Пахвы – подхвостный ремень у казачьего седла, не дающий седлу скатываться на шею [4, с. 140].

Достаться с соком – достаться с трудом, тяжело. *…И каждая остановка, батенька, досталась солдатикам с соком* [т. 4, с. 132].

Устойчивые выражения характеризуют качества человека, отношение к труду, в них, как в зеркале, отображаются народные традиции и архетипические категории.

Таким образом, в диалектной лексике содержится информация о базовых составляющих повседневной культуры уральского казачества. Изучение особенностей говора уральского казачества как субкультурного образования актуально в аспекте понимания культурных смыслов.

Национально-культурное своеобразие диалектной лексики проявляется в том, что она отражает культурный фон, стоящий за языковыми единицами: условия жизни уральских казаков, менталитет, образ жизни, систему ценностей, мироощущение и миропонимание. Трудолюбие было устойчивой нормой поведения и главной духовно-этической ценностью уральских казаков. Старообрядцы придерживались строгой морали, не допускавшей пьянства, лени, праздных развлечений, благодаря чему они все свое время посвящали истовому исполнению религиозных обрядов и хозяйственной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никифорова О. В. Номинации обрядовых причитаний (по материалам нижегородских говоров) / О. В. Никифорова // Мир науки, культуры и образования. – 2013. – 6 (43). – С. 377-378.
2. Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В 4-х тт. / Н. М. Малеча. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002 – 2003. – Т. 1. – 496 с.
3. Бородин Н. А. Уральские казаки и их рыболовства / Н. А. Бородин. – СПб., 1901. – 31 с.
4. Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В 4-х тт. / Н. М. Малеча. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002 – 2003. – Т. 3. – 568 с.
5. Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь / Б. А. Моисеев. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство им. Г. П. Донковцева, 2019. – 516 с.
6. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка / А. Г, Преображенский. – М., 1959. – Т. 1-2.
7. Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В 4-х тт. / Н. М. Малеча. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002 – 2003. – Т. 4. – 536 с.
8. Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В 4-х тт./ Н. М. Малеча. – Оренбург. Оренбургское книжное издательство, 2002 – 2003. – Т. 2. – 592 с.

УДК 821.161.1

ОБРАЗ АННЫ КАРЕНИНОЙ: ОТ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОТОТИПОВ К СОВРЕМЕННЫМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ИНТЕРПРЕТАЦИЯМ

Се Синьи
Студент,
Хэйлунцзянский университет, Китай
E-mail:89148865216@qq.com

Научный руководитель: Ли Силу,
Кандидат филологических наук, старший преподаватель,

В статье проводится исследование образа Анны Карениной, главной героини одноименного романа Л.Н. Толстого, воплощающего морально-этические проблемы и социальные конфликты своего времени. Особое внимание уделяется определению исторических личностей как прототипов образа героини, анализу ключевых аспектов характера и судьбы Анны Карениной в контексте социально-психологических и культурно-исторических условий эпохи, прослеживанию трансформации образа Анны Карениной в современной русской прозе.

Ключевые слова: Анна Каренина, Л.Н. Толстой, исторические прототипы, интерпретация образа, социальные нормы, внутренний конфликт.

THE IMAGE OF ANNA KARENINA: FROM HISTORICAL PROTOTYPES TO MODERN LITERARY INTERPRETATIONS

Xie Xinyi
Student,
Heilongjiang University, China
E-mail: 89148865216@qq.com

Scientific supervisor: Li Silu,
Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer,

The article examines the image of Anna Karenina, the main character of the novel by L.N. Tolstoy, embodying the moral and ethical problems and social conflicts of his time. Particular attention is paid to identifying historical figures as prototypes of the heroine's image, analyzing key aspects of Anna Karenina's character and fate in the context of the socio-psychological and cultural-historical conditions of the era, tracing the transformation of the image of Anna Karenina in modern Russian prose.

Keywords: Anna Karenina, L.N. Tolstoy, historical prototypes, interpretation of the image, social norms, internal conflict.

*****

Анна Каренина, главная героиня одноименного романа Л.Н. Толстого, представляет собой один из самых значимых и сложных литературных образов в мировой литературе. Впервые опубликованный в 1877 году, роман «Анна Каренина» до сих пор остается предметом пристального внимания литературоведов. Образ Анны Карениной является ярким отражением морально-этических проблем своего времени. Л.Н. Толстой создает образ женщины, стремящейся к свободе и самореализации, но в то же время ограниченной жесткими социальными нормами, которые диктуют ей роль жены и матери.

Изучение образа Анны Карениной открывает широкие возможности для анализа художественного мира Л.Н. Толстого: позволяет проследить эволюцию его философских взглядов, изучить его стиль, проанализировать социально-исторический контекст, в котором был создан роман. Поэтому «Анна Каренина» по праву занимает важное место в мировой литературе и остается одним из самых важных объектов литературоведческих изысканий.

Целью настоящего исследования является анализ образа Анны Карениной, начиная с его исторических прототипов и заканчивая современными литературными интерпретациями. Особое внимание уделяется определению исторических личностей как прототипов образа героини, анализу ключевых аспектов характера и судьбы Анны Карениной в контексте социально-психологических и культурно-исторических условий эпохи, прослеживанию трансформации образа Анны Карениной в современной русской прозе.

Изучение исторических прототипов Анны Карениной позволяет проследить влияние реальных событий и личностей на формирование её характера и поведения в произведении, а также увидеть, какие аспекты жизни и общества вдохновляли автора и были отражены в образе его героини. Современное переосмысление образа Анны Карениной в русской литературе представляет собой не менее интересный аспект исследования. Другие авторы находят в Анне Карениной источник для вдохновения, адаптируя её образ для новых поколений читателей и поднимая актуальные социальные и моральные вопросы.

Значительное количество научных статей и монографий последних лет свидетельствует об актуальности этого произведения для современных литературных и социокультурных исследований.

Одним из важных направлений в изучении любого художественного произведения является анализ системы персонажей и их роли в создании художественной целостности произведения [4]. В работе В.Г. Андреевой рассматривается значение второстепенных и эпизодических персонажей, которые помогают раскрыть глубину и многогранность образов главных героев, делая их жизнь и отношения более реалистичными и убедительными [9].

Философские и психологические аспекты героев романа Л.Н. Толстого также находятся в центре внимания современных исследователей. В статье Г.З. Жалеловой анализируются философские, социологические, этические и эстетические взгляды Л.Н. Толстого, а также его мастерство в создании психологических образов. Особое внимание уделяется концепции «семейной мысли» и её реализации в романе, что позволяет глубже понять внутренний мир героев [18].

Особый интерес представляет работа П.В. Басинского «Подлинная история Анны Карениной», в которой проводится исторический и культурный комментарий к процессу написания романа и отношениям между главными персонажами [1]; [5]. П.В. Басинский анализирует художественные образы, темы и мотивы, а также предполагаемые прототипы персонажей, что позволяет лучше понять замысел Л.Н. Толстого и его творческий процесс.

С.Т. Фаджарани рассматривает либеральные феминистские ценности, отражённые в образе Анны Карениной [13]. В статье Е.Е. Филатовой изучается любовь Анны к трём мужчинам – её сыну, мужу и любовнику – с использованием психоаналитической теории. Е.Е. Филатова анализирует мотивы героини и её внутренние конфликты, связанные с разделением любви и желания [8]. Статья И. Деретич “Why did Anna Karenina commit suicide?” исследует мотивацию Анны Карениной к самоубийству, рассматривая общественное неприятие, изоляцию и утрату любви как ключевые факторы [11].

Современные исследования показывают, что интерес к роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина» не только не угасает, а наоборот, новые подходы и методы анализа продолжают выявлять скрытые аспекты произведения, что делает произведение важным объектом для дальнейшего анализа и интерпретации.

Образ Анны Карениной, стремящейся к личному счастью и любви, демонстрирует столкновение индивидуальных желаний с жесткими социальными нормами второй половины XIX века. Роман с Вронским, являясь проявлением ее стремления к свободе и самореализации, вызывает резкое осуждение со стороны общества. Это противоречие между личным стремлением к счастью и общественными моральными установками становится центральным конфликтом в романе. Как отмечает М. Винсент, общественные стандарты того времени не допускали возможности развода или внебрачных отношений для женщин, что делало ситуацию Анны безвыходной [17].

Ярким примером давления общества на Анну, вынужденную жить в рамках строгих социальных правил, является сцена ее поездки в Москву после ее романа с Вронским. Анна, оставшаяся одна после отъезда Вронского на войну, решает поехать в Москву, чтобы попытаться восстановить свои отношения с семьей и обществом. Однако, она сталкивается с холодным приемом и отчуждением. Ее родные отказываются видеться с ней, а друзья и знакомые отворачиваются от нее, считая ее падшей женщиной. Анна чувствует себя одинокой и изолированной. Во время визита к своей сестре, Долли, Анна сталкивается с неприязнью и осуждением со стороны ее мужа, который упрекает ее в ее поступке и отказывается ее принять [7].

Этот эпизод демонстрирует жестокость и непрощение общества по отношению к женщине, нарушившей моральные нормы. Анна оказывается в ловушке социальных представлений, от которых ей не убежать, что усугубляет ее трагическое положение.

Семья и брак играли центральную роль в жизни женщин XIX века [3], и это отчетливо прослеживается в романе. Восприятие брака как основного предназначения женщины ясно представлено через образ Кити и её отношения с Левиным. В отличие от Анны, Кити следует общественным ожиданиям и находит счастье в традиционной роли жены и матери. В отличие от Кити, Анна осмеливается пойти против этих норм, что приводит к трагедии.

Социокультурный контекст также подчеркивается через образ Алексея Каренина, мужа Анны. Его отношение к жене и браку отражает патриархальные взгляды того времени. Алексей видит в Анне прежде всего свою собственность и элемент общественного статуса, что делает их отношения холодными и формальными. Л. Лисмалинда и Б. Ризка отмечают, что такие отношения были типичными для браков высшего общества в XIX веке, где эмоции и личные желания часто приносились в жертву общественным ожиданиям [14].

Таким образом, Л.Н. Толстой в романе «Анна Каренина» мастерски отражает социокультурные нормы своего времени. Он показывает, как они формируют и ограничивают жизнь героев, делая образ Анны Карениной символом трагедии и протеста против несправедливости общественных ожиданий.

В контексте анализа образа Анны Карениной значительную роль играют возможные прототипы и литературные источники, к которым Л.Н. Толстой мог обращаться при написании романа.

Одним из возможных прототипов Анны Карениной является Мария Александровна Гартунг, дочь А.С. Пушкина. Как указывает В.П. Басинский, её личная трагическая история и внешняя красота могли послужить источником вдохновения для Л.Н. Толстого [1]. Мария Гартунг, как и Анна, страдала от личных и семейных конфликтов, что могло повлиять на создание сложного и эмоционально насыщенного образа героини.

Влияние на создание образа Анны Карениной также могло оказать самоубийство Анны Пироговой, знакомой Л.Н. Толстого, которая бросилась под поезд из-за неразделенной любви. Этот трагический инцидент, произошедший в 1872 году, нашел отражение в судьбе главной героини романа [1].

Многие литературоведы сходятся во мнении, что черты характера и жизненные обстоятельства Анны могли быть вдохновлены различными женщинами из высшего света, с которыми Л.Н. Толстой был знаком [9]; [10]; [12].

Трагические события в семье Л.Н. Толстого сыграли значительную роль в формировании его взглядов на жизнь и смерть, что также отразилось в романе «Анна Каренина». В частности, смерть брата Л.Н. Толстого, Дмитрия, оказала на него глубокое эмоциональное воздействие. Дмитрий умер в 1856 году от туберкулеза, и это событие заставило Льва Николаевича глубже задуматься о смысле жизни и неизбежности смерти. Исследование К.В. Безчасного «Социальные и этические аспекты самоубийства в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» подробно рассматривает влияние этих событий на творчество Л.Н. Толстого. К.В. Безчасный отмечает, что трагические события в жизни писателя и религиозно-философские размышления о самоубийстве в русском обществе середины XIX века способствовали формированию «позитивного» образа самоубийства в литературе, что предположительно стало основой для изображения самоубийства Анны Карениной в романе [2].

Значительное влияние на образ Анны Карениной оказали также произведения других писателей. Как указывает В.Г. Андреева, более двадцати романов английского писателя Энтони Троллопа, которые были популярны в России, могли повлиять на Л.Н. Толстого. В.Г. Андреева рассматривает конкретные сюжетные элементы и образы из романов Э. Троллопа, которые могли быть использованы Л.Н. Толстым в «Анне Карениной». Автор обращает внимание на восхищение Л.Н. Толстого умением Э. Троллопа изображать персонажей, развивать их в динамике сюжета [9].

Роман «Госпожа Бовари» Гюстава Флобера, опубликованный за несколько лет до «Анны Карениной», также рассматривается многими критиками как важный источник вдохновения для Л.Н. Толстого. Обе героини, Эмма Бовари и Анна Каренина, страдают от неудовлетворённости браком и стремятся к личному счастью, что приводит их к трагической гибели. Влияние Г. Флобера на Л.Н. Толстого проявляется в схожих темах и мотивах, таких как критика социальных норм и раскрытие внутреннего мира женщин [16].

В образе Анны Карениной можно найти параллели с Татьяной Лариной из романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. Оба произведения исследуют темы любви, личного счастья и общественных норм, демонстрируя глубокую связь между личными устремлениями и общественными ожиданиями. Л.Н. Толстой неоднократно признавал влияние А.С. Пушкина на свою творческую работу [12].

Анализируя эти параллели, можно отметить, что и Анна, и Татьяна представляют собой женщин, борющихся за свое право на счастье в условиях строгих общественных норм. В обоих произведениях центральными темами становятся любовь и конфликт с общественными ожиданиями. Татьяна Ларина, как и Анна Каренина, испытывает глубокие чувства, которые ставят её перед выбором между личным счастьем и общественным долгом. Однако если Татьяна, в конечном итоге, подчиняется социальным нормам, то Анна стремится следовать своим желаниям.

Таким образом, влияние А.С. Пушкина на творчество Л.Н. Толстого очевидно не только в стилистических и тематических параллелях между их произведениями, но и в глубоком философском осмыслении человеческих чувств и общественных норм.

Необходимо также упомянуть влияние религиозных текстов и моральных устоев. Л.Н. Толстой был глубоко религиозным человеком, и духовные поиски писателя отразились в его произведениях. В романе «Анна Каренина» присутствуют библейские мотивы и моральные дилеммы, которые подчёркивают внутренний конфликт героини между её страстями и религиозными убеждениями. Библейские аллюзии служат важным инструментом для понимания мировоззрения героев и их нравственного состояния. Как отмечает М. Моррис, образы святых, таких как святая Варвара, играют символическую роль в романе, помогая лучше понять религиозный и моральный контекст, почувствовать сложные духовные переживания героев [15].

Образ Анны Карениной продолжает вдохновлять современных авторов, потому что он воплощает такие извечные, но не теряющие актуальности темы, как любовь, конфликт с обществом, внутренний конфликт, социальные нормы.

Современные писатели переосмысливают классические темы, привнося в них элементы современной реальности и социального контекста, что делает произведения более близкими и понятными современному читателю.

Марина Степнова в романе «Женщины Лазаря» (2012) обращается к классическим темам русской литературы, переосмысляя их через призму современной действительности [6]. Образ Анны Карениной здесь служит отправной точкой для размышлений о женской судьбе, любви и семейных отношениях в разные исторические периоды. М. Степнова показывает, как темы, поднятые Л.Н. Толстым, остаются актуальными для женщин разных эпох. Героини М. Степновой сталкиваются с внутренними и социальными конфликтами, а также с личными трагедиями, что схоже с теми проблемами, с которыми сталкивается Анна Каренина.

Маруся, первая женщина Лазаря, испытывает глубокие страдания из-за своей бездетности и нереализованной любви к Лазарю. Внутренние муки Маруси схожи с душевными страданиями Анны Карениной, которая чувствует себя запертой в браке без любви и ищет утешения в страстной, но разрушительной любви к Вронскому. Маруся осознаёт свою любовь к Лазарю, который никогда не сможет стать её мужем, что усиливает её внутренние переживания.

Вторая женщина Лазаря, Галина, борется с чувством ненависти к Лазарю, несмотря на его любовь и заботу. Галина ощущает себя пленницей в закрытом городе, куда её «похитил» Лазарь, что напоминает Анну Каренину, чувствующую себя запертой в своем браке и ограниченной социальными нормами.

Лидочка, внучка Лазаря, унаследовала его гениальность, но её жизнь также наполнена внутренними противоречиями и поиском своего места в мире. Ее тоже можно сравнить с Анной Карениной, которая искала смысл и счастье, но оказалась разрушенной своими внутренними конфликтами. Лидочка сталкивается с проблемами идентичности и социального признания, что напоминает борьбу Анны за принятие её в обществе после разрыва с мужем. Лидочка стремится найти своё место в обществе, которое не всегда готово принять её такой, какая она есть.

Таким образом, М. Степнова переосмысливает образ Анны Карениной, используя его для отражения внутренних и социальных конфликтов современных женщин. Она создаёт образы женщин, которые, подобно Анне Карениной, ищут своё место в мире и стремятся к личному счастью, несмотря на все преграды.

Исследование образа Анны Карениной раскрывает её как многогранную и противоречивую героиню, чья трагическая судьба является результатом конфликта между её личными устремлениями и социальными нормами. Л.Н. Толстой, создавая образ Анны, сумел отразить глубокие моральные и этические проблемы своего времени. Реальные исторические прототипы, а также влияние других литературных произведений сыграли значительную роль в формировании образа Анны Карениной. Л.Н. Толстой создал сложный психологический портрет женщины, которая стремится к личному счастью, но сталкивается с осуждением и непониманием общества.

Образ Анны Карениной в романе Л.Н. Толстого является отражением глубоких социальных и моральных противоречий, которые продолжают оставаться актуальными и позволяют современным исследователям и читателям вновь и вновь возвращаться к этому произведению, открывая новые грани. Трансформации и переосмысления образа в современной литературе свидетельствуют о его непреходящей важности и значимости, делая роман «Анна Каренина» одним из краеугольных камней как русской, так и мировой литературной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басинский П. В. Подлинная история Анны Карениной / Павел Басинский. – Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. – 384 с.

2. Безчасный К.В. Социально-этические аспекты самоубийства в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (часть 1) / К.В. Безчасный // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М.Бехтерева. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 97-105.

3. Гао Ц. Проблема формирования образа эпохи в процессе изучения биографии и творчества И. С. Тургенева / Ц. Гао // Начала Русского мира. – 2023. – № 5. – С. 7-11.

4. Гилязева Э.Н. Вербализация концепта "privacy" в англоязычной художественной литературе XIX века / Э. Н. Гилязева, А. М. Айдарова, Д. Д. Хайруллина // Глобальный научный потенциал. – 2019. – № 10(103). – С. 136-138.

5. Заботин Д.В. П.В. Басинский. Подлинная история Анны Карениной / Д.В. Заботин // Вопросы литературы. – 2023. – №3. – С. 182-187.

6. Степнова М. Женщины Лазаря. – Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 202. – 448 с.

7. Толстой Л.Н. Анна Каренина / Л.Н. Толстой. – М.: Эксмо, 2016. – 960 с.

8. Филатова Е.Е. Триптих любви в «Анне Карениной»: психоаналитическая интерпретация любов(ей) Анны / Е.Е. Филатова // Артикульт. – 2023. – №4(52). – С. 87-94.

9. Andreeva V. Character System in Leo Tolstoy's Novel "Anna Karenina": the Role of Secondary, Tertiary and Episodic Characters in the Creation of the Work's Artistic Integrity. L.N. Tolstoy: Moral Search and Creative Laboratory. – 2021. https://doi.org/10.22455/lt-978-5-9208-0664-2-287-322.

10. Cruise E. Women, sexuality, and the family in Tolstoy. In: Orwin DT, ed. The Cambridge Companion to Tolstoy // Cambridge Companions to Literature. – Cambridge University Press. – 2002. – Pp. 191-205.

11. Deretic I. Why did Anna Karenina commit suicide? / I. Deretic // Theoria, Beograd. – 2023. – Pp. 137-150.

12. Deviga R. Marriages and adultery in Tolstoy's Anna Karenina / R. Deviga // International Journal of Advance Research, Ideas and Innovations in Technology, 2018. – №4. – Pp. 929-931.

13. Fajarani S. Liberal feminist values as reflected in Leo Tolstoy's Anna Karenina / S. Fajarani // Journal of Communication. – Maret, 2021. – №2. – Pp. 8-14.

14. Lismalinda L., & Rizka B. Structure and Leo Tolstoy's worldviews in "Anna Karenina" film: a study of genetic structuralism / L. Lismalinda, B. Rizka // Journal of English Teaching and Linguistics, 2021. – 2(1). – Pp.16-22.

15. Morris M. Itinerant Barbaras: Anna Karenina's Peripatetic Guardian Saints / M. Morris // Christianity and Literature. – Johns Hopkins University Press, № 63 (2), 2014. – Pp. 203-222.

16. Thuduwage P. Echoes of Madame Bovary in Anna Karenina: A Comparative Study / P. Thuduwage // Proceedings of the 7th International Conference on Humanities and Social Sciences (IRCHSS-2021). – University of Sri Jayewardenepura, Sri Lanka, 2021. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3812190

17. Vincent M. Ideal Husband as a Key Symbol in Anna Karenina / M. Vincent // Shanlax International Journal of English. 2021, 9(3). – Pp. 50-53.

18. Zhalelova G. Z. Philosophical and psychological aspects of L.N. Tolstoy's heroes in the novel "Anna Karenina" / G. Z. Zhalelova // Bulletin of the Korkyt Ata Kyzylorda University. – №4 (59), 2021. – Pp. 251-259.

УДК 811.161.1`373.612.2

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННОГО СИМВОЛА «РОЗА» В ПОЭЗИИ А.С. ПУШКИНА КАК ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ПОЭТА

Шабанова Наталия Александровна
Доцент кафедры начального языкового и литературного образования Саратовского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» (СГУ),
г. Саратов, Россия
E-mail: nsh2004@bk.ru
SPIN-код: 8463-7631

В статье рассматривается проблема отражения художественной концептосферы отдельного автора в функционировании в его творчестве традиционного слова-символа. Автор сосредоточивает внимание на специфике использования традиционного символа розы в поэзии А.С. Пушкина.

Исследование базируется на представлении об особом проявлении традиционного слова-символа в структуре художественного текста: накопленные им в ходе культурно-исторического развития цивилизации традиционные символические ассоциации, реализующие общечеловеческие и общенациональные концепты, способны как выступать в контексте поэтического произведения в виде непосредственно ассоциаций и дополнительных коннотативных сем, так и становиться основой для развития символического значения. Репрезентируемые при этом концепты обогащаются также и индивидуально-авторскими смыслами. В связи с этим использование традиционного символа в творчестве отдельного автора демонстрирует сочетание общенационального и индивидуального в его поэтическом мировосприятии.

Проведенный автором статьи анализ поэзии А.С. Пушкина позволил определить некоторые особенности художественной концептосферы поэта, в частности приверженность к такой традиционной для классицистической и романтической поэзии форме репрезентации концептов «юность», «женская красота», «любовь», как обращение к образу розы, с одной стороны, и индивидуально-авторскую специфику концепта «романтическая поэзия» – с другой. При этом отмечается, что сам факт обращения А.С. Пушкина к символике розы в экспликации указанных концептов сыграл важную роль в дальнейшей судьбе этого слова-символа в русской поэзии.

Ключевые слова: символ, традиционный символ, символ розы, цветочная символика, концепт, концептосфера, Александр Пушкин, символическая ассоциация.

FUNCTIONING OF THE TRADITIONAL SYMBOL “ROSE” IN THE POETRY OF A.S. PUSHKIN AS AN EXPLICATION OF THE POET'S CONCEPTOSPHERE

Shabanova Natalia Aleksandrovna
Associate Professor of the Department of Primary Language and Literary Education of Saratov State University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky" (SSU), Saratov, Russia
E-mail: nsh2004@bk.ru

The article examines the problem of reflecting the artistic conceptual sphere of an individual author in the functioning of the traditional word-symbol in his work. The author focuses on the specifics of using the traditional symbol of a rose in the poetry of A.S. Pushkin.

The study is based on the idea of a special manifestation of the traditional word-symbol in the structure of an artistic text: the traditional symbolic associations accumulated by it in the course of the cultural and historical development of civilization, realizing universal and national concepts, are capable of both acting in the context of a poetic work in the form of direct associations and additional connotative semes, and becoming the basis for the development of symbolic meaning. The concepts represented in this case are also enriched with individual authorial meanings. In this regard, the use of a traditional symbol in the work of an individual author demonstrates a combination of the national and individual in his poetic worldview.

The author's analysis of the poetry of A.S. Pushkin allowed us to determine some features of the poet's artistic conceptual sphere, in particular, his commitment to such a traditional form of representation of the concepts of "youth", "female beauty", "love" in classical and romantic poetry as an appeal to the image of a rose, on the one hand, and the individual-author specificity of the concept of "romantic poetry" – on the other. It is noted that the very fact of A.S. Pushkin's appeal to the symbolism of a rose in the explication of these concepts played an important role in the further fate of this word-symbol in Russian poetry.

Keywords: symbol, traditional symbol, rose symbol, flower symbolism, concept, concept sphere, Alexander Pushkin, symbolic association.

*****

Традиционная символика, функционирующая в поэтическом тексте того или иного автора, играет важную роль в репрезентации его художественной картины мира, или его концептосферы (о синонимическом употреблении терминов см.: [1, С.37]). Именно функционирование традиционного символа, в ходе развития той или иной национальной культуры, впитавшего в себя ассоциативные связи с различными национальными концептами, наилучшим образом демонстрирует сочетание общенационального и индивидуального в концептосфере отдельного автора.

Культурные ассоциации традиционного символа как компоненты художественной картины мира проявляются прежде всего в ткани художественного произведения, где слово-символ выступает в контексте других слов. При этом вхождение символа в определенное семантическое поле в структуре художественного текста может актуализировать как одну символическую ассоциацию, так и сразу несколько, то есть эксплицировать сразу несколько концептов. Экспликация же конкретного концепта традиционным словом-символом может осуществляться как в виде актуализованной контекстом символической

ассоциации при прямом значении слова, так и в его метафорическом употреблении [2], [3]. Частотность использования традиционного символа для экспликации того или иного концепта в творчестве конкретного писателя, а также контекстуальные особенности этой экспликации являются отражением художественной концептосферы данного автора.

Одним из наиболее распространенных в мировой поэзии является традиционный символ розы. Этот художественный образ неоднократно выступал в качестве непосредственного объекта изучения в контексте творчества отдельных поэтов [4], [5], [6]. Рассмотрим функционирование слова-символа «роза» в репрезентации поэтической картины мира А.С. Пушкина.

Флористическая символика в поэзии А.С. Пушкина получила достаточно глубокое изучение в целом ряде научных работ [7], [8]. В своей широко известной статье «Цветы в поэзии Пушкина» С.В. Шервинский справедливо замечает, что «цветы были для Пушкина равноправным поэтическим материалом, он никогда не писал о них риторических стихотворений, нигде не отразил в своем творчестве этой традиции европейской и восточной поэзии. Тем более он не подходил к цветам и как исследователь природы, его – гуманиста, филолога, историка – занимали человек и его судьбы» [8, С.134]. Исключением, по словам исследователя, выступают только четыре цветочных образа: лилия («лилея»), мак, отчасти фиалка и, конечно, роза. Внимание Пушкина к этим образам С.В. Шервинский объясняет традициями «многоразличной эстетической, религиозной и бытовой культуры», которым следовал поэт [8, С.136]. Нами было отмечено в творчестве А.С. Пушкина 69 употреблений слова «роза». Это больше, чем в творчестве К.Н. Батюшкова (53), В.А. Жуковского (43), и даже А.А. Фета (47), но меньше, чем у поэтов серебряного века, например, у М. Цветаевой (93) [9].

Функционирование слова «роза» в поэзии Пушкина обусловлено прежде всего освоенной им поэтической традицией. Так, например, в его стихотворениях можно обнаружить словоупотребления, эксплицирующие такие концепты, как «весна», «радость» и «юность».

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной,
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой
(«Виноград» [10, Т.II, С.342])

Формирование символических ассоциаций «роза – весна», «роза – радость» и «роза – юность» происходит в русской культуре под влиянием античной. В южных странах цветение роз приходится на весну, в связи с чем в античности розы выступали как символ весны и в метафорическом осмыслении – юности.

Опали вы, листы вчерашней розы,
Умчались вы, дни радости моей
(«Элегия» [7, Т.I, С.240])
Я ей принес увядши розы
Отрадных юношества дней
(«Стансы» [10, Т.I, С.249])

Использование роз для экспликации этих концептов можно также встретить в поэзии Г. Державина, А. Фета, В. Жуковского. В литературе XX века их реализация посредством данного символа встречается редко [9], видимо, потому что данная ассоциация нетипична для русской национальной концептосферы. В связи с этим экспликацию указанных концептов в поэзии Пушкина посредством использования образа розы можно считать данью классической традиции и отражением романтического мировоззрения, свойственного юному поэту. Об этом же свидетельствует и встречающееся в его раннем творчестве употребление слова «розы» при репрезентации концепта «радость» в противопоставлении с другим традиционным символом «терны», символизирующим горечь, несчастье:

Уснув меж розами,
На тернах я проснулся

(«К Шишкову» [10, Т. I, С.233])

Активно прибегает ранний Пушкин для актуализации символической ассоциации «розы – радость» и к перифрастическим сочетаниям, заимствованным русской литературой из европейской классицистической поэзии. Например, «путь в розах» в «Послании к Юдину» (1815 г.) («Послание к Юдину» [10, Т.I, С.167]), и даже в стихотворении 1836 года в воспоминаниях о днях юности он пишет: «Была пора: наш праздник молодой / Сиял, шумел и розами венчался» («Была пора: наш праздник молодой…» [10, Т. III, С.431]).

Конечно, наиболее часто в творчестве поэта традиционный символ розы выступает как экспликатор концепта «красота». Важную роль в формировании символической ассоциации «роза – красота» сыграло великолепие самого цветка. Благодаря этому великолепию, розу с древнейших времен воспевали как царицу цветов. Не случайно во всех мифологиях мира она оказывается цветком, посвященным богине красоты.

В поэзии А.С. Пушкина роза может выступать в описаниях красоты природы:

Сквозь вечну зелень здесь и там
Мелькают светлые беседки,
Повсюду роз живые ветки
Цветут и дышат по тропам
(«Руслан и Людмила» [10, Т. IV, С.31])

Но наиболее часто образ розы используется для экспликации концепта «красота» в описании женщины:

И с розой сходны вы,
Блеснувшею весной.
Вы так же, как она, пред нами
Цветете пышною красой
И так же колетесь, бог с вами.
(«Т. – прав, когда так верно вас…» [10, Т. II, С.340])

В приведенном контексте экспликация концепта осуществляется в развернутом сравнении женщины с розой. Нередко, даже в позднем творчестве, у Пушкина можно встретить сравнения с розами женских уст или румянца: «розы пламенных ланит» («Евгений Онегин» [10, Т. VI, С.19]), «<…> алые уста / Как гармоническая роза («Е.Н. Ушаковой» [10, Т. III, С.149]). «Пушкин, несомненно, любил сравнения этого рода и, видимо, не ощущал их как поэтические клише, – писал С.В. Шервинский. – <…> Благодаря их распространенности и вместе с тем эстетической убедительности он, видимо, воспринимал их как законный и естественный элемент стиля, утвержденный традицией, теряющейся в веках» [8, С.138]. Нами отмечено в русской поэзии XIX – начала XX века 19 словоупотреблений подобного типа, из них 5 – в произведениях А.С. Пушкина [9].

Не менее распространенной, чем экспликация концепта «красота» посредством использования традиционного символа розы, в творчестве поэта является реализация словом «роза» символической ассоциации «роза – любовь». Она берет свое начало из античных мифов и поэзии древнего Востока. Издавна считаясь цветком, символизирующим женскую красоту, роза выступала также как символ любви. Совместную реализацию этих двух концептов: «красота» и «любовь» – находим и в поэтических контекстах А.С. Пушкина:

Дыханье роз, фонтанов шум
Влекли к невольному забвенью.
Невольно предавался ум
Неизъяснимому волненью
(«Бахчисарайский фонтан» [10, Т. IV, С.170])

Интересным, сочетающим и приверженность А.С. Пушкина к традиции, и стремление к ее преодолению, представляется использование образа розы при экспликации концепта «поэтическое творчество». Так, поэт нередко в своем творчестве прибегает к традиционному для восточной поэзии мотиву «соловей и роза», одновременно эксплицирующему и концепт «любовь», и концепт «красота»

(через ассоциацию «розы» с возлюбленной), и концепт «поэтическое творчество» (через использование мотива, характерного для куртуазной поэзии). Например:

В безмолвии садов, весной, во мгле ночной,
Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внемлет,
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет
(«Соловей и роза» [10, Т. III, с.50])

Использование этого мотива в духе восточной философии, уже в середине XIX века воспринимавшееся русскими поэтами как устоявшийся литературный штамп, по-видимому, А.С. Пушкина не очень смущало. Во всяком случае не так, как связанная с «розами» клишированная рифма, которая начинает восприниматься поэтом в поздний период творчества как банальность и пошлость:

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей
(Читатель ждет уж рифмы «розы»;
На, вот возьми ее скорей!)
(«Евгений Онегин» [10, Т. VI, С.90])

Контекстное окружение слова «роза», использование вводной конструкции и разговорной интонации придают ему ироничную коннотацию. «Розы» становятся экспликатором индивидуально-авторского концепта «романтическая поэзия». Подобное употребление «роз» находим и в другом месте «Евгения Онегина», в характеристике Ленского:

Он пел *разлуку*, и *печаль*,
И *нечто*, и *туманну даль*,
И романтические *розы*
(«Евгений Онегин» [10, Т. VI, С.35])

Интересно, что в приведенном контексте только слово «розы» обладает конкретным лексическим значением, остальные лексемы: «разлука», «печаль», «нечто», «(туманна) даль» – представляют абстрактные понятия. Их перечисление, по-видимому, выражает иронию поэта не по отношению к словесному наполнению романтической поэзии, а к ее тематике. В связи с этим введение в данное перечисление «романтических роз» – это либо указание на абстрактную красоту, воспеваемую через «розы» поэтами-романтиками (экспликация концепта «красота»), либо еще один намек на заштампованный характер используемой ими рифмы. Так, выступая в качестве экспликатора национально-культурного концепта, традиционный символ преломляется не только в соответствии с творческим опытом поэта, но и в соответствии с его индивидуальным мировосприятием.

Таким образом, символ розы, впитавший в себя мотивы персидской литературы, древнегреческой мифологии, культурных традиций древнего Рима и эпохи христианства и закрепивший за собой в мировой литературе множество устойчивых ассоциаций, ведущих к самым разным концептам, в творчестве А.С. Пушкина используется для репрезентации лишь некоторых из них: «красота», «любовь», «весна», «радость», «юность», «поэтическое творчество». Нередко контекстное окружение приводит к экспликации в одном словоупотреблении сразу нескольких концептов, при этом, как правило, для их экспликации привлекаются классические приемы – традиционные сравнения и перифрастические метафоры.

В целом использование символа розы в поэтических произведениях А.С. Пушкина демонстрирует объединение в его творчестве традиций классицистической и романтической поэзии и характеризует его как поэта своего времени. Однако во многом именно благодаря А.С Пушкину и его творчеству символ розы, цветка, чуждого русскому фольклору, прочно вошел в сознание русского человека со всей совокупностью традиционных ассоциаций поэзии классицизма и романтизма и получил развитие в дальнейшей истории русской литературы. Как прекрасно сказал С.В. Шервинский, «классическая пушкинская «роза» мелькнет еще в поэзии Фета, чтобы на рубеже XX столетия расцвести вновь и по-новому в поэзии русского символизма» [8, С.140].

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева, Т. И. Художественная концептосфера: национальное и индивидуальное / Т. И. Васильева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6 (48). – С. 37–39.

2. Аленькина, Е. В. и др. Концепт и символ как категории авторского сознания / Е. В. Аленькина, И. А. Тарасова, Н. А. Шабанова // Автор. Текст. Аудитория: межвузов. сб. научн. трудов. – Саратов: Саратовский университет, 2002. – С. 148–151.

3. Тарасова, И. А. О зонах риска в междисциплинарных исследованиях / И. А. Тарасова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13, № 2. – С. 45-49.

4. Арефьева, Н. Г. Символика розы в лирике Вячеслава Иванова / Н. Г. Арефьева // Гуманитарные исследования. – 2015. – № 4(56). – С. 139-145.

5. Пугачева, Э. В. Трансформация символа «розы» в поэзии Анны Ахматовой / Э. В. Пугачева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 10(339). – С. 102-105.

6. Нестерова, Я. П. Символика розы в поэзии К.Н. Батюшкова / Я. П. Нестерова, М. Н. Шакаров // Мир культуры: культуроведение, культурография, культурология : Сборник научных трудов. Том Выпуск 2. – Курск : Издательство Курского государственного университета, 2015. – С. 112-118.

7. Егорова, Е. Н. Флористическая символика в поэзии Пушкина/ Е.Н. Егорова // «Приют задумчивых дриад». Пушкинские усадьбы и парки. – М.: ДМУП «Информационный центр», 2006. – 232 с.

8. Шервинский, С. В. Цветы в поэзии Пушкина / С. В. Шервинский // Поэтика и стилистика русской литературы. – Л.: Наука, 1971. – С. 134–140.

9. Шабанова, Н. А. Традиционное и индивидуальное в семантической структуре символа (на материале символа роза в русской поэзии): диссерт. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / Н. А. Шабанова. – Саратов, 2000. – 231 с.

10. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 811.13

КОНЦЕПТ TREGUA В СОЧИНЕНИЯХ НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

Николаева Наталья Николаевна
Доцент, кандидат филологических наук,
ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет
им. Н. Э. Баумана», Москва, Россия
E-mail:nnn55n73@mail.ru

Пискунов Вениамин Романович
Студент,
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова», Москва, Россия
E-mail:vanveydenhumhrey@gmail.com

Перемирие играет важную роль во время ведения военных действий и занимает центральное место в дипломатических переговорах. В настоящем исследовании анализируется концепт *tregua* (перемирие) в трудах Никколо Макиавелли, которые являются основополагающими в рамках политической и дипломатической теории. В статье рассматриваются сочинения Н. Макиавелли в различных жанрах, материалом исследования послужили, в том числе следующие работы: «История Флоренции», «О военном искусстве», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». Анализируется также дипломатическая и личная переписка Никколо Макиавелли в период 1497-1527 гг. Комплексный подход к описанию лексем, репрезентирующих концепт *tregua*, обеспечивается посредством этимологического и интерпретативного анализа. В результате проведенного исследования определены когнитивные признаки, по которым характеризуется концепт *tregua* в произведениях Н. Макиавелли: «длительность» и «официальность». Выявлены ядерные и периферийные лексемы, репрезентирующие данный концепт. К первой категории авторами отнесены *tregua* и *triegua*. В рамках второй категории наиболее полное описание получила лексема *accordo*. Определено, что в некоторых контекстах актуализируются отрицательные коннотации, присущие ядерным лексемам.

Ключевые слова: Никколо Макиавелли, репрезентация концепта, концепт tregua, История Флоренции, Рассуждения о первой декаде Тита Ливия, этимологический анализ, интерпретативный анализ, метод сплошной выборки, коннотативный компонент значения, эвфемизмы

THE TRUCE CONCEPT IN NICCOLÒ MACHIAVELLI'S WORKS

Nikolaeva Natalja Nikolaevna
Associate Professor, Candidate of Philology
Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia
E-mail:nnn55n73@mail.ru

Piskunov Veniamin Romanovich
Student,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
E-mail:vanveydenhumhrey@gmail.com

Truce is a major procedure in warfare and an indispensible part of diplomatic negotiations. The present study elaborates on the truce concept developed in Niccolò Machiavelli's works, regarded as highly relevant to the political and diplomatic theory. The article covers N. Machiavelli's writings in various genres with the main focus on Istorie Fiorentine, Dell'Arte della guerra, Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio, diplomatic and personal correspondence dating from 1497 to 1527. The study provides a description of the distinctive features central to the truce concept in N. Machiavelli's works. An etymological and interpretative analysis ensures an integrated approach to the lexemes representing the given concept. Tregua and triegua as well as accordo are found to constitute the truce concept developed in the works of Niccolò Machiavelli. The connotative components of the given lexemes are also important in this regard.

Keywords: Niccolò Machiavelli, concept representation, truce concept, Florentine Histories, Discourse on the First Ten Books of Titus Livius, etymological analysis, interpretative analysis, continuous sampling analysis, connotative components, euphemisms.

*****

Truce in international law is an agreement between belligerent parties, by which they mutually engage to forbear all acts of hostility against each other for some time, the war still continuing [1, P. 3327]. It is a major procedure in warfare and could be traced back to antiquity. Over time truces have become a key feature of diplomatic negotiations and gained a strong political content which left its mark on modern-day language. In international law, in fact, several terms are currently used to indicate a cessation of hostilities between two armies, namely truce, armistice, ceasefire, inducle etc. This wide range of lexemes being an integral part of the truce concept accentuates its central role in politics and diplomacy.

The works of Niccolò Machiavelli, who contributed to a large number of important discourses in Western political and diplomatic theory, constitute a major source to elaborate on the truce concept.

The present study is based on the 2018 edition of Niccolò Machiavelli. Tutte le opere: Secondo l'edizione di Mario Martelli (hereinafter within the text will be cited as Tutte le opere), which is one of the most complete collections of Niccolò Machiavelli's works. It contains Machiavelli's major political treatises, namely Il Principe (The Prince), Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio (Discourse on the First Ten Books of Titus Livius), Dell'Arte della Guerra (The Art of War), alongside the prominent historical works Istorie Fiorentine (Florentine Histories) and Vita di Castruccio Castracani da Lucca (The Life of Castruccio Castracani of Lucca). The minor political writings, e.g. Rapporto delle cose della Magna (Report on the state of Germany), literary works, diplomatic and personal correspondence included in Tutte le opere should also not be underestimated.

A continuous sampling analysis based on Tutte le opere suggests that the lexemes representing the truce concept in Machiavelli's works are tregua and triegua. Table 1 provides a source-based distribution of the given lexemes. Overall the words tregua and triegua were used 34 and 20 times respectively in Machiavelli's writings. The Table 1 implies that tregua and triegua may appear in the same piece of writing. As far as the componential analysis is concerned, the given lexemes have been located to share the same set of semantic features. They could, thus, be used interchangeably in all contexts. In fact, according to L. Muzzi, up to the XIXth century triegua was perceived as an absolute

synonym to tregua [2, p. 179], though nowadays triegua is regarded as an archaic variant of tregua.

Table 1

Word-usage count for tregua and triegua

Source	**Lexeme**	
	tregua	*triegua*
Machiavelli's correspondence	22	6
Istorie Fiorentine	10	5
Rapporto delle cose della Magna	2	–
Vita di Castruccio Castracani da Lucca	–	3
Dell'Arte della Guerra	–	1
Decennali (Decades)	–	3
Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio	–	1
Sommario delle cose della città di Lucca (A summary of the affairs of the city of Lucca)	–	1
Overall:	**34**	**20**

Source: Compiled by the authors in line with the continuous sampling analysis based on *Tutte le opere*

A brief etymological analysis of the given lexemes could reveal the semantic features that underlie the truce concept. While it is generally recognized that tregua and triegua originated from Medieval Latin treuga, more distant etymology seems to be uncertain. Some scholars suggest, however, that Old High German triva or triuwa 'faithfulness, loyalty' was borrowed into Medieval Latin as treuga [3, P. 1464]. Triuwa is closely related to trûwên, from which derives the German verb trauen 'to believe, trust' [4, P. 366]. The source of triuwa is considered to be Proto-Germanic *treuwo-, correlating with the PIE root *deru- [5, P. 3574-3575] with the primary meaning 'wood'. One of the variants of this root developed a derivational meaning of 'tight, firm' [6, P. 607-610]. Thus, it might be assumed that one of the major semantic features central to the truce concept could correlate with the idea of firmness, faithfulness. Still the present study suggests that over time the importance of this etymologically-bound correlation had a tendency to decrease.

It is proposed to elaborate on the distinctive semantic features of the truce concept by considering the following examples from Istorie Fiorentine:

(1) "si concluse o **una pace per sempre** o **una tregua per cinque anni**, quale di queste dua al Duca piacesse" [7, P. 1989] – "it was decided to arrange **a five years' truce** or **a permanent peace**, whichever the duke should prefer" [8, P. 242];

(2) "mandò il Duca a comandare a Niccolò che facesse **tregua per uno anno** con il Conte" [7, P. 1976] – "The Duke then sent unto Niccolo, willing him to take **a truce** with the Earl **for one year**" [9, P. 278-279];

(3) "il Papa e il Re <...> offersono **tregua** a' Fiorentini **per tre mesi**" [7, P. 2111] – "the Pope and King <...> offered to the Florentines **truce for three months**" [9, P. 395];

(4) "il Conte, **passato il tempo della tregua**, si ristrinse con le sue genti" [7, P. 2005] – "for **as soon as the truce expired** the count had moved his army" [8, P. 254].

As far as the above-mentioned examples are concerned, duration is regarded as the central semantic property of the truce concept. The belligerent parties suspend the hostilities against each other for a specified period, which the parties agree upon when establishing the terms of the truce agreement. According to the examples (1), (2) and (3), the overall duration of a truce appears to be relatively short, ranging from several months up to but generally not exceeding 5 years.

The first example provides the opposition definite vs. indefinite duration. A permanent peace is opposed to a truce for a definite period of time, in the given case a five-year truce. Furthermore, according to the fourth example, the duration period of the truce seems to be of a considerable importance, since the expiry date most probably signals the continuation of warlike actions.

Another distinctive semantic property of the truce concept is formality. Under certain circumstances the formal part of truce proceedings tends to become of a lesser importance, while the negotiations become rather informal. Over time the unofficial truce agreements have had a major impact on the truce concept.

The cumbersome nature of unofficial truce negotiations could be observed in Machiavelli's letter to the Ten dated 17 October 1502. The given letter contains a dialogue between Machiavelli and the Duke Valentino of Romagna, who suspects the Florentine government of unofficially carrying truce negotiations with the Republic of Siena: "questo Signore mi disse: <...> i tuoi Signori hanno mandato un loro uomo che **tratta di fare certa tregua**" [7, P. 1178] – "the Duke said to me: <...> your Superiors have sent a man who is **arranging a certain truce**". In the given passage it's important to note the use of the indefinite adjective certo 'certain', conveying a sense of inconclusiveness. In fact, with the alleged negotiations having an unofficial nature, it seems challenging to ascertain the true state of affairs.

As mentioned earlier, the unofficial truce proceedings appear to have a significant impact on the truce concept. Machiavelli's letter to the Ten dated 6 December 1503 provides relevant linguistic details to acknowledge this statement: "**Dicesi** che el Papa ha mandato uno ad Consalvo per condurre una triegua fra loro; e se non nasce in questo mezo qualche sdrucito, se ne sta con buona speranza." [7, P. 1505] – "**It is said** that the Pope sent a man to make a truce among them; and if no complications arise, there is considerable hope". Central to expressing the idea of unofficial truce proceedings in this sentence is dicesi 'it is said' – 3rd person singular of the verb dire 'say' in the Present Indefinite tense. It is in the impersonal form, thus, conveying a sense of detachment and neutrality in expressing this statement. It might be perceived as non confirmed information, which seems typical of unofficial truce agreements.

The lexemes tregua and triegua frequently denote an action which is generally approached cautiously and distrustfully by the belligerent parties. In fact, Machiavelli cites in his writings a number of occurrences when the parties concerned treated a truce proposal with caution and suspicion.

As the following example suggests, this cautious approach is usually adopted when one of the warring parties is in a disadvantaged position vis-à-vis the other party concerned: "Federigo d'Urbino domandò per alcuni giorni tregua. La quale gli fu conceduta con tanto disavvantaggio de' Fiorentini, che quegli che la dimandavono di averla impetrata si maravigliorono" [7, P. 2104] – "Duke of Urbino asked for a truce of a few days. This was conceded to the great surprise of the duke and to the prejudice of the Florentines" [8, P. 330].

Very often the cautious attitude to truce proposals is totally justified. Historical evidence shows that truces often conceal a potential threat to one of the warring parties. Thus, the truce concept implicitly has a connotative meaning of threat and peril.

This connotative meaning of the truce concept could be observed in the following passage from Istorie Fiorentine: "E per fare a' Viniziani più credere che dicessi da vero, fece triegua con i Milanesi per uno mese, <...> i Milanesi, veggendo la tregua fatta, <...> straccurorono gli ordini delle difese loro; <...> assai grano seminorono, donde nacque che più tosto il Conte li potette affamare." [7, P. 2003] – "To induce the Venetians more readily to believe that he was in earnest, he entered into a truce with the Milanese, <...>the Milanese, being granted a truce, <...>relaxed their defence, <...>sown much grain; hence it followed that the count could starve the Milanese far easier than they could him." [8, P. 252].

As the above-mentioned example implies, the truce proved to be damaging to the Milanese, who relaxed their defense alongside significantly reducing their food provisions. All in all these factors were in favor to the Count who initially proposed the truce.

The connotations of threat and peril typical of the lexemes tregua and triegua tend to become evident in the context of military strategy and science. Dell'Arte della guerra provides an analysis of truce negotiations in warfare. Machiavelli states that it is often useful for a besieged army to initiate truce proceedings, since "this makes the enemies more negligent in every action, such that by making use of their negligence, you can easily

have the opportunity to get out of their hands." [10, P. 134] – "il che suole fare i nimici più negligenti in ogni azione, tale che, valendoti della negligenza loro, puoi avere facilmente occasione di uscire loro delle mani." [7, P. 1082-1083]. As for historical evidence, Machiavelli cites a famous occurrence, when the same deception practice allowed Hasdrubal Barca, the brother of Hannibal, to escape from the forces of Claudius Nero who had besieged his army in Spain.

As mentioned above, tregua and triegua constitute the nucleus of the truce concept in Machiavelli's works. Furthermore, the continuous sampling analysis suggests that alongside these core lexemes exists a set of words that are peripheral to the truce concept. A major component within the peripheral group is accordo, which is a polysemantic word used in a number of contexts. In fact, the lexeme accordo has been used over 350 times in Tutte le opere and the approximate word-usage ratio of accordo against both tregua and triegua stands at 7:1.

The primary meaning of accordo – 'agreement, accord' could be observed in Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio: "monsignor Imbalt <...>, giunto propinquo ad Arezzo, dopo poco tempo cominciò a **praticare accordo** con gli Aretini" [7, P. 407] – "Monsieur Imbault <...>, when he arrived near Arezzo, after a short time began to **negotiate an accord** with the Aretines" [11, P. 83].

Very often truce negotiations involve a certain form of bilateral agreement, either verbal or written. Terms' arrangement of such an agreement is considered a substantial part of the truce proceedings. Thus, a strong relationship between agreements and truces could be observed in this regard. Therefore, in some contexts the lexeme accordo in Machiavelli's writings is perceived as a substitute for the lexemes tregua and triegua.

It is proposed to elaborate on a similar substitution example from Istorie Fiorentine, in which Machiavelli describes the warlike actions between the Florentines and the armed forces of King Alfonso of Naples. The Florentine army drew its supplies from neighbouring villages; but as these were few and thinly inhabited, the supplies were scant. King Alfonso, on the other hand, though closely watched by the Florentines, was abundantly provided with everything except forage, all other necessaries coming to him by sea.

The Florentine troops were despair of obtaining additional supplies; and over two hundred soldiers deserted to the King's camp. Alfonso's army, though not suffering from any scarcity of provisions, was growing weaker, owing to the fevers which at that season prevailed in the region.

Consequently, "onde che si mossono pratiche di **accordo**, per il quale il Re domandava cinquanta mila fiorini, e che Piombino gli fusse lasciato a discrezione." [7, P. 407]. In the given passage it might be challenging to state the type of accordo: a peace agreement, a truce agreement etc. In fact, the original passage was translated in different ways without proper attention to the word accordo.

The N. H. Thomson's translation maintains the viable correlation of accordo and agreement, accord: "negotiations for **an accord** were therefore entered upon, the King demanding that fifty thousand florins should be paid him, and the town of Piombino left to him to deal with as he pleased." [12, P. 100-101].

T. Bedingfeld interpreted accordo as a 'communication of peace': "these occasions ministered **a communication of peace**, wherein the King demanded fifty thousand florins, and Piombino to be left at his discretion." [9, P. 292].

The approach adopted by W. K. Marriott implies that the Florentines and King Alfonso were working towards a truce: "these conditions inclined both parties to **a truce**; the king demanded 50,000 florins and the surrender of Piombino." [8, P. 244].

The latter-mentioned interpretation seems to be the most accurate given the conditions of the warring parties. The Florentines faced severe shortage of provisions, while the King's army was reducing in number due to inappropriate climate conditions and disease outbreaks. All in all the belligerent parties were in need of a temporary break to regain their military potential and eventually continue the warlike actions.

The selection of accordo 'agreement', a word with a generalized, broader meaning, without the specification of the agreement type may have several reasons. Firstly, the true state of affairs might be difficult to ascertain and the use of a general term

eventually provides a sense of detachment and vagueness. Secondly, negative connotations related to the lexemes tregua and triegua still persist. Thus, it might be more desirable to opt for a more general term accordo to avoid the use of a lexeme with a negative meaning. Using general words in place of more explicit terms is regarded as a euphemistic device. K. Burridge notes that such general-for-specific substitutions involve expressions that are conceptually interrelated. Furthermore, it is highlighted that vagueness is what speakers seek in a euphemism [13, P. 73].

Thus, the synonymic range tregua – tiegua constitutes the truce concept developed in the works of Niccolò Machiavelli. The components of the range can substitute for each other in all contexts. Accordo is located among the major lexemes peripheral to the given concept. Duration and formality are found to be the distinctive properties of the truce concept. At the same time the connotative components, namely connotations of threat and peril as well as connotations of cautiousness and distrustfulness are also important in this regard.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bouvier, J. Bouvier's Law Dictionary and Concise Encyclopedia; Vol. III. – Kansas City, Mo: Vernon Law Book Company, 1914. – 3504 p.
2. Muzzi, L. Dizionario della lingua italiana; Vol. VII. – Bologna: Presso Riccardo Masi, 1826. – 743 p.
3. Pianigiani, O. Vocabolario etimologico della lingua italiana; Vol. II. – Roma & Milano: Società editrice Dante Alighieri di Albrighi, Segati e C., 1907. – 1561 p.
4. Kluge, F. An Etymological Dictionary of the German Language [translated from the 4th German edition by J. F. Davis]. – London: George Bell & Sons, 1891. – 446 p.
5. Partridge, E. Origins – A Short Etymological Dictionary of Modern English. – London and New York: Routledge, 1966. – 4218 p.
6. Proto-Indo-European Etymological Dictionary: A Revised edition of Julius Pokorny's Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch / Indo-European Language Revival Association. – Paris: IELPA Publishing, 2007. – 3441 p.
7. Machiavelli, N. Niccolò Machiavelli. Tutte le opere: Secondo l'edizione di Mario Martelli. – Firenze: Bompiani / Giunti Editore S.p.A, 2018. – 3250 p.
8. Machiavelli, N. Florentine History [translated by W. K. Marriott]. – London: J. M. Dent & Sons Ltd, 1922. – 365 p.
9. Machiavelli, N. The Florentine History [translated by T. Bedingfeld]; Vol. II. – Edinburgh: T. & A. Constable, 1905. – 424 p.
10. Machiavelli, N. Art of War [translated and edited by C. Lynch]. – Chicago: University of Chicago Press, 2003. – 312 p.
11. Machiavelli, N. Discourses on Livy [translated by H. C. Harvey and N. Tarcov]. – Chicago: University of Chicago Press, 1998. – 367 p.
12. Machiavelli, N. The Florentine History [translated by N. H. Thomson, M.A.]; Vol. II. – London: Archibald Constable and Co., 1906. – 303 p.
13. Burridge, K. Euphemism and Language Change: The Sixth and Seventh Ages // Lexis n. 7, 2012. – 65-92 p.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

UDC 81.002.82

MORPHOLOGICAL PECULIARITIES AND WORD-BUILDING POTENTIALITY OF THE SUFFIX «*DON*» AND ITS ENGLISH EQUIVALENTS

Boboeva Zaynura Homidjonovna
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of the Linguistics and Comparative Typology Department,
Faculty of Foreign Languages,
SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov"
Tajikistan Republic, Khujand
E-mail:z.boboeva@mail.ru
SPIN-код 6855-2715

The article dwells on the issues beset with comparative analysis of morphological peculiarities and word-building potentiality of the suffix *-don* and its English equivalents. It is noted that the word-formation system of any language consists of methods or means specific to this language. In general, the relevant system is a complex one.

While conducting the contrastive analysis, we have resorted to "A Brief Word-Building Dictionary of Tajik Literary Language" (1983) [3], "Tajik-English Dictionary" (2005) [6] and Sadriddin Aini`s work entitled as *Ghulomon* (2019) [2] and we adduced the appropriate examples out of the above-mentioned sources in order to prove certain thoughts and testimonies.

It is concluded that the English equivalents of the Tajik derivative words formed by the relevant suffix are not identical, and some of them are used and translated as simple, derivative, compound and composite ones.

Keywords: suffix, nouns, adjective, derivative words, compound words, morphological peculiarities, comparative analysis, English and Tajik languages, word-building potential, English equivalents.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СУФФИКСА "ДОН" И ЕГО АНГЛИЙСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

Бобоева Зайнура Хомитжоновна
К.ф.н., доцент кафедры языкознания и сравнительной типологии факультета иностранных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова",
Республика Таджикистан, г. Худжанд
E-mail:z.boboeva@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы сопоставительного анализа морфологических особенностей и словообразовательного потенциала суффикса

-*дон* и его английских эквивалентов. Отмечается, что словообразовательная система любого языка состоит из специфичных для этого языка способов или средств. В целом соответствующая система является сложной.

При проведении сопоставительного анализа мы обратились к «Краткому словообразовательному словарю таджикского литературного языка» (1983) [3], «Таджикско-английскому словарю» (2005) [6] и труду Садриддина Айни «Гуломон» (2019) [2] и привели соответствующие примеры из вышеупомянутых источников для подтверждения определенных мыслей и свидетельств.

Сделан вывод, что английские эквиваленты таджикских производных слов, образованных с помощью соответствующего суффикса, не тождественны и, а некоторые из них употребляются и переводятся как простые, производные, сложные и составные.

Ключевые слова: суффикс, существительные, прилагательные, производные слова, сложные слова, морфологические особенности, сопоставительный анализ, английский и таджикский языки, словообразовательный потенциал, английские эквиваленты.

*****

It is well-grounded that "word-building is considered to be one of the ways of word stock enrichment and plays a key role in the development and evaluation of languages of the world and the former in question occupies a prominent position. The essence of word-building and its distinguishing peculiarities in terms of structure have not lost their importance under the angle of the level of usage as well. Although some basic types of compound words were identified and described by ancient English grammarians. In reference to it, separate models of derivative words in different languages are being canvassed and discussed scientifically" [1, P.5].

Every language has its own particular characteristics that make up various aspects, such as grammatical structure, word-stock composition and phonetic system. Each of the relevant aspects of language needs independent theoretical research. Mostly the grammatical aspect of language was dwelt, but over time, aspects including lexicons and the special system of sounds are studied as well [2; 3].

Literature review

While conducting the contrastive analysis, we have resorted to "A Brief Word-Building Dictionary of Tajik Literary Language" (1983) [4], "Tajik-English Dictionary" (2005) [5] and Sadriddin Aini`s work entitled as *Ghulomon* (2019) [6] and we adduced the appropriate examples out of the above-mentioned sources in order to prove certain thoughts and testimonies. The chosen sources are considered to be one of the most important works in modern Tajik linguistics studies and being worthy to conduct the comparative analysis of word-building potential of the suffix *-don* and its English equivalents properly.

The aim of the corpus of our study is to conduct the comparative analysis of morphological peculiarities and word-building potentiality of the suffix *-don* and its English equivalents based on the above-mentioned sources.

Methodology

While canvassing the distinctive peculiarities and the level of usage of the prefixes under study, we have resorted the following visual methods, such as: comparative-historical, synchronic-diachronic ones.

Main results and discussion

It is well-known that suffixes occupy the key role in the formation of series of derivative words. The main function of each suffix is determined by what meaning it gives to derivative words. Certain suffixes form adjectives only from nouns, others from adjectives, and still others from number or verb and the relevant suffix forms derivative adjectives mostly. There are suffixes that form adjectives from different parts of speech, and this cannot but affect the meaning of derivative adjectives.

In the languages compared, adjectives after nouns are included in the largest group of words, the number of adjectival suffixes reaches 51 (Tajik) and 65 (English) [7; 8]. Suffixes determine the sign of belonging to the word, and make their differentiation clear as well.

Hence, we are going to conduct the comparative analysis of morphological peculiarities and word-building potentiality of the suffix *-don* and its English equivalents.

The suffix *-don,* alongside with several word-building elements "is an evolved form of the old word-building element *-dan*" [9, p.50]. The relevant suffix is concerned to be one of the most productive word-building elements in Tajik.

As a rule, the suffix in question derives a considerable number of derivative words from different parts of speech denoting the place and location of stored things *(72 Tajik derivative words totally and quantality term)*.

Morphological peculiarities and word-building potentiality of the suffix *-don*.

Initially, we can confidently express our own opinion that the relevant suffix participates to form a series of new Tajik derivative nouns from nouns in most cases based on:

- the model of nouns denoting (water, fire, soil) + -don: alav*don*/alov*don*/olav*don* (n.) – hearth, stove, oven [4, P.14, 15], otash*don* (n.) – fire temple, hearth, fire-place, (concave hearth in a dirt floor; used to heat a room or to cook food [4, P.38; 5, P.418, 422], loy*don* (n.) **–** clay bunker [4, P.29; 5, P.313], ob*don* (n.) – flask, water bottle [4, P.37], khok*don* (n.) – throng, grave, tomb; dustpan [c.51; 589], khoristar*don* (n.) – ashtray, ashpit [4, P.51; 5, P.589]: Hasan nonkhalta, *obdon*, sabat, kutti va digar chizho-i zaruri-ro bardosht [4, P.13; 5, P.177] – Hasan took a bag of bread, a *water bottle*, a basket, a box and other necessary things [Translated by the author], Dar yak taraf-i in khonaho-i qator yakchand degu *otashdon* buda, dar on degho yak turkmanzan-i miyonsol pashmo-ro dar zokob mejushonid [6, P.4, 33-times] – On one side of these terraced houses there were several pots and *stoves,* in which a middle-aged Turkmen woman was boiling wool in a zokob [Translated by the author].

- the model of nouns denoting (human-being`s and animals' bodies) +-don: bacha*don* (n.) [4, P.16; 5, P.68] – uterus; womb, zah*don* (n.) [4, P.23], class. /see/ bacha*don*, mezak*don* (n.) [4, P.31] – (urinary) bladder, peshob*don* (n. anat.) [5, P.438] – bladder, sang*don* (n.) [4, P.43; 5, P.479] – navel; gizzard (of a bird) [4, P.479], jighil*don* (n.) craw, crop (of a bird) [5, P.651], zahra*don* (n.) anat.) [4, P.23; 5, P.222] – gallbladder, tukhm*don* (n. bot) [4, P.48] – pericarp, shir*don* (n.) [4, P.54; 5, P.672] – udder.

In the course of finding the above-mentioned examples it became clear that the suffix *-don* appeared in the composition of the Tajik derivative nouns those ones are synonyms to each other, for instance: bacha*don*= zah*don,* mezak*don*= peshob*don*= zahra*don,* sang*don*= jighil*don.*

- ***the model of nouns denoting (*household utensils, stationery and perfumes*) +-don:*** atr*don* (n.) [4, P.15; 5, P.34] – perfume bottled, deg*don* (n.) [4, P.21; 5, P.189] 1. hearth where a boiler is put on to cook meals 2. hearth for baking bread, copper, ca(u)idron, ghalla*don* (n.) [4, P.56; 5, P.162] – grain bin, corn bin, granary (small container for storing money), gul*don* (n.) [5, P.152] – flower pot, flower vase, vase, kalid*don* (n.) [4, P.26; 5, P.258] – key box, kah*don*/koh*don* (n.) [4, P.25, 27; 5, P.270] – hay shed, hayloft, straw mattress, lofts, kitob*don* (n.) [4, P.27] bookshelf; bookcase, qalam*don (n.)* [4, P.57; 5, P.293] – pencil case, pencil-box, qalamfur*don* (n.) [4, P.57; 5, P.293] – pepper shaker; pepper-caster, pepper-box, qanddon (n.) sugar bowl [4, P.58; 5, P.294] – sugar basin, manqal*don* (n.) [4, P.30] – kind of brazier where coal is kindled, murch*don* (n.) [4, P.33] – pepper-box, muhr*don* (n.) [4, P.35] – sac or box for keeping the seal, nam+akdon (n.) [4, P.35; 5, P.383] – salt-cellar; salt shaker [5, P.383], nova*don* (n.) [5, P.400] – chute, drain, gutter, nov*don* (*n.*) [5, P.400] – gutter, drainage pipe, nos*don* (n.) [4, P.36; 5, P.408] – tobacco, laid under one's tongue; nos gourd (used for storing nos), non*don* (n.) [4, P.36; 5, P.406] – bread bin, breadbasket, nuql*don* (n.) [4, P.37; 5, P.411] – box of candy, osh*don* (n.) [4, P.38] – dish, pudra*don* (n.) [4, P.40; 5, P.447] – powder case, pul*don* (n.) [4, P.40] money box, piggy bank, thrift-box, ravghan*don* (n.) [4, P.41; 5, P.452] – oil can, lubricator, butter dish, sabzima*don* (n.) [5, P.471] – sprouts, offshoots, surma*don* (n.) [4, P.45; 5, P.511] – a small box

for keeping antimony stribium; (small bag or oblong vessel for antimony), suzan*don* (n.) [4, P.45; 5, P.513] pin cushion, tuf*don* (n.) [4, P.48] – spittoon, khona*don* (n.) [4, P.52] – 1 family: 2 dynasty, kin, khum*don* (n.) [4, P.52; 5, P.598] – kiln, chama*don* (n.) [5, P.630] – clothes trunk, suitcase, charogh*don*/chirogh*don* (n.) [4, P.53; 5, P.633] – lamp, stand, bracket (for a lamp), candlestick, lantern, choy*don* (n.) [4, P.53; 5, P.639] – tea-caddy, canister, joma*don* (n.) [4, P.61; 5, P.654] – clothes trunk, suitcase, trunk, box, juzva*don* (n.) [5, P.657] – knapsack, satchel, chuzv*don* (n.) [5, P.657] – folder, file, juz`*don* (n.) [5, P.657] – briefcase, shakar*don* (n.) [4, P.53; 5, P.661] – sugar bowl, candy dish, candy bowl, sham`*don* (n.) [4, P.54; 5, P.663] – candlestick, shona*don* (n.) [4, P.55; 5, P.675] – case for comb, box used for storing a comb, yaxdon (n.) [4, P.56; 5, P.693] – refrigerator, ice-box: …az in changhu ghubor-i zardcha, ki az biyobon-i vase' bardoshta shuda meomad, rang-i *khumdon-i* khisht-i otashafrukhta-ro girifta bud [2, P.150] – ...from this yellow dust, which was raised from the vast desert, it took the color of the *kiln* [Translated by the author], Bu-i muattar-i gulho-i sadbarg-i darun-i *guldon* tamom-i khona-ro faro megirift – The sweet-smelling roses in the *vase* permeated the whole room [5, P.351], Davidan-i gusola to *kahdon* – The calf's run is to the *hay shed* only [5, P.270; 2, P.253], Ba jo-i charohg-i siyoh bar ru-i chorpoya dar yak *shamdon-i* panj panjador shamho-i mumi-i chorash yaqqadoqi mesukht [6, P.90] – Instead of a black lamp, four wax candles were burning singly on a five-branched *candlestick* on a four-legged table [Translated by the author].

Designing on the premise of the adduced examples, we can assert the fact that Tajik derivative words are translated into English as (1;) simple nouns *klin* and *vase*; (3) in the second sentence, the relevant derivative noun is used as a compound noun *hey shed* and (4) in the fourth sentence, it is resorted to as composite noun *candlestick*. In reference to it, the model of nouns denoting household utensils, stationery and perfumes +- *don* is considered to be one of the frequently used models in the corpus of our study.

- the model of adjective denoting color +-don: siyoh*don* (n.) [4, P.44; 5, P.479] – inkpot, inkstand; inkwell: U dar yak kanor ba bolo-i kat-i vase-e menishast, dar yak tarafash *qalamdon* va *siyohidon-ro* guzoshta… [4, P.49] – He was sitting on a wide bed on one side, he put *pencil-box* and *inkpot* on one side… [Translated by the author].

While adducing the appropriate examples it became clear that the suffix *-don* participates to derive a new noun by means of the adjective expressing the color in the corpus of our study and it is considered to be one of the distinctive features of the theme explored.

- the model of nouns denoting (arm and weapons) +-don: borut*don* (n.) – tinderbox [4, P.17], tir*don* – (n.) 1 bandolier; 2 coll. quiver; cartridge belt, ammunition belt chamber (of a gun), quiver (for arrows) [4, P.48; 5, P.545].

- the model of borrowed nouns +-don: ugul*don* (n.) – coal box, coal case [4, P.19], karasin*don* (n.) – kerosene [4, P.26], papiros*don* (n.) – cigarette case, box [4, P.39; 5, P.430]**:** Odam-i noshinos-i avvali az *papirosdon* papiros barovarda yakeash-ro ba rafiq-i khudash ham dod va gigird zada, har du ba papiroskashi daromadand… [6, P.195] – The first stranger took out a cigarette from the *box* and gave one to his friend, struck a match, and both started smoking… [Translated by the author].

In the above-adduced sentence, the derivative noun *papirosdon* is translated into English as a simple noun *box*.

- the model of compound noun +-don: gulob*don* (n.) – container for rose water (in the form of a small flagon with a long, narrow neck) [5, P.153].

It is worth stressing that the suffix in question derives only once by dint of compound noun (gul-*flower* & ob-*water*) in the corpus of our study.

- the model of nouns denoting (various aspects and fields) +-don: bordon (n.) – (a large wicker basket for dried fruits, nuts, etc.), luggage rack [4, P.17; 5, P.115], gard*don* (n. bot) – anther [4, P.18], duk*don* (n.) – spindle holder [5, P.204], zanakh*don* (n.) – chin [4, P.23; 5, P.218], lukidon (n.) – door-lock [4, P.29], nor*don* (n.) pomegranate seeds [5, P.407], chil*don* (n.) ceremonial dipper (used to wash newborns) [5, P.637].

The suffix *-don* and its English equivalents

Adducing the results of the conducted analysis beset with the theme explored, we can assert that the following English suffixes *-er* and *-y* and participate to form a number of new words denoting the notions of container for various types of nouns.

As well as, in English, certain original nouns are resorted as English equivalents of Tajik derivative words formed by *-don* are used as simple, derivative, compound and composite words & phrases and the relevant morphological peculiarities and word-building potentiality is considered to be one of the distinctive themes in the corpus of our study.

Hereby, we decided to divide into several sub-group's English equivalents of Tajik derivative words formed by *-don* morphologically:

-***as simple words:*** *hearth, stove, oven* – alavdon/alovdon/olavdon, otashdon, *flask* – obdon, *throng, grave, tomb* – khokdon, *womb* – bachadon, zahdon, *craw, crop (of a bird)* – jighil*don* etc.;

-as derivative words: *uterus* – bachadon, zahdon, *(urinary) bladder* – mezakdon, peshobdon, *navel, gizzard (of a bird)* – sangdon, udder – shirdon etc.:

- as compound words: *gallbladder* – zahradon, *pericarp* – tukhmdon etc.;

- ***giving the interpretation of some Tajik derivative words while translating them into bilingual dictionaries:*** surma*don* – a small box for keeping antimony stribium; (small bag or oblong vessel for antimony), shona*don* – case for comb, box used for storing a comb, gulob*don* (n.) – container for rose water (in the form of a small flagon with a long, narrow neck), bordon – a large wicker basket for dried fruits, nuts, etc., chil*don* – used to wash newborns;

- ***the following words occur as English equivalents of Tajik derivative words in the composition of compound words and phrases, such as:*** *basin* (sugar basin – qanddon); *bank* (piggy *bank* – puldon); *basket* (bread*basket* – nondon); *bin* (grain *bin*, corn *bin* – ghalladon, bread *bin* – nondon); *bottle* (water *bottle* – obdon, perfume *bottle* – atrdon); *bowl* (sugar *bowl*, candy *bowl* – qanddon, shakardon); *box* (key *box* – kaliddon, pencil-*box* – qalamdon, pepper-*box* – qalamfurdon, murchdon, *box* of candy – nuqldon, money *box*, thrift-*box* – puldon, *box* -jomadon, papirosdon, ice-*box* – yaxdon, tinder*box* – borutdon, coal *box* – uguldon); *caddy* (tea-*caddy* – choydon); *can* (oil *can* – ravghandon); *case* (book*case* – kitobdon, pencil *case* – qalamdon, powder *case* – pudradon, suit*case* – chamadon, jomadon, brief*case* – juz`don, coal *case* – uguldon, cigarette *case* papirosdon); *caster* (pepper-*caster* – qalamfurdon); *cellar* (salt-*cellar* – nam+akdon); *dish* (*dish* – oshdon, butter *dish* – ravghandon, candy *dish* – shakardon); *pot* (flower *pot* – guldon, *inkpot* – siyohdon); *shaker* (pepper *shaker* – qalamfurdon, salt *shaker* – nam+akdon); *shelf* (book*shelf* – kitobdon); *stand* (ink*stand* – siyohdon); *trunk* (clothes *trunk* – chamadon, jomadon); *vase* (flower *vase* – guldon); *well* (ink*well* – siyohdon) etc.

Based on the above-mentioned models, we can underscore that the word *box* participates to be as an active English equivalent of Tajik derivative words formed by means of *-don* and the relevant word are used ten times upon the whole.

Conclusion

Adducing the results of the conducted analysis, we can come to the conclusion that the word-building element under study is considered to be one of productive ones, which contributes into the derivation of words denoting the container for several size, measure and quantity of different things and materials.

It is worth mentioning that the English equivalents of Tajik derivative words formed by *-don* are not identical and the majority of them are used and translated into English as simple, derivative, compound, composite and phrases. As well as, their generalities and differences are shown in the above-adduced models in details.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ashrapov B.P. Some considerations beset with English word-building rules // Obrazovanie ot "A" do "Ya". – 2021. – No. 4. – P. 5-6. – EDN EQYIVI.
2. Aini S. Slaves. Roman. Dushanbe: Children's literature, 2019. 488 p.
3. Bobomorodov Sh. A brief word-building dictionary of Tajik literary language.

Dushanbe: Education, 1983. 120 p.

4. Grammar of modern Tajik literary language. Dushanbe: Donish, 1986. 372 p.
5. Mammadnazarov A. English-Tajik dictionary. Dushanbe: Er-Graph, 2021. 1016 p.
6. Mamatov, J. Tajik-English Dictionary / J. Mamatov, S. J. Harell, K. Kehoe, K. Khodjibaev. – Dunvody Press, 2005. – 741 p.
7. Rozi, Shamsi Kais. Al-Mujam. The author of the foreword and explanation and publisher is U. Toirov. Dushanbe: Adib, 1991. 463 p.
8. Rustamov Sh. Noun forming word-building in Tajik literary language. Dushanbe: Donish, 1972. – 120 p.
9. Saymiddinov D. Word-building of Middle Persian language. Dushanbe, 2001. 310 p.
10. Humoyunfarrukh A. A reference for Persian language. The third edition. Tehran, 1364. 1096 p.

УДК 821.16

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Донскова Людмила Александровна
Кандидат филологических наук, доцент,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина,
г. Краснодар, Российская Федерация
E-mail: donl67@mail.ru
SPIN-код 7229-3122

Дудля Максим Максимович
Студент, Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина,
г. Краснодар, Российская Федерация
E-mail:abobaboba123321@yandex.ru

Данная статья посвящена изучению важного аспекта в лингвистике – коммуникативной толерантности в художественных текстах. Цель исследования заключается в анализе специфики проявления коммуникативной толерантности в литературных произведениях на примере известных произведений различных авторов. В статье рассматривается, каким образом авторы используют языковые средства для создания атмосферы взаимопонимания и уважения к различиям в коммуникации. Основные выводы исследования связаны с выявлением разнообразных приемов и техник, которые способствуют формированию коммуникативной толерантной среды в тексте, а также с оценкой их воздействия на читателя. Научная новизна статьи заключается в выявлении специфических художественных стратегий, направленных на продвижение коммуникативной толерантности через литературный язык и сюжетные линии. Это исследование поможет лучше понять, как художественные произведения способствуют формированию взаимопонимания и уважения в общении, а также привлечет внимание к актуальной проблеме коммуникативных отношений в литературе.

Ключевые слова: художественный текст, коммуникативная толерантность, разнообразие, литературный анализ, общественная польза, исследования, культурные контексты.

FEATURES OF COMMUNICATION TOLERANCE IN FICTION

Donskova Lyudmila Alexandrovna
PhD in Philology, associate professor
Kuban State Agrarian University named after I.T.Trubilin
Krasnodar, Russian Federation
E-mail: donl67@mail.ru
SPIN-код 7229-3122

Dyudlya Maxim Maximovich
Student, Kuban State Agrarian University named after I.T.Trubilin
Krasnodar, Russian Federation
E-mail: abobaboba123321@yandex.ru

This article reveals the study of an important aspect in linguistics – communicative tolerance in literary texts. The purpose of the study is to analyze the specifics of the manifestation of communicative tolerance in literary works using the example of famous works of various authors. The article examines how authors use language to create an atmosphere of mutual understanding and respect for differences in communication. The main conclusions of the study are related to the identification of various techniques and methods that contribute to the formation of a communicative tolerant environment in the text, as well as to the assessment of their impact on the reader. The scientific novelty of the article lies in the identification of specific artistic strategies aimed at promoting communicative tolerance through literary language and storylines. This study will help to better understand how works of fiction contribute to the formation of mutual understanding and respect in communication, and will also draw attention to the current problem of communicative relations in literature.

Keywords: literary text, communicative tolerance, diversity, literary analysis, public benefit, research, cultural contexts

*****

Коммуникативная толерантность является одним из важнейших аспектов в современном обществе, где разнообразие культур, языков и мировоззрений становится все более заметным [1]. Исследование особенностей коммуникативной толерантности, выраженной в художественных текстах, представляет собой актуальную и интересную задачу в области лингвистики и литературных исследований.

Объектом исследования данной статьи являются художественные тексты различных жанров, в которых обнаруживается проявление коммуникативной толерантности. Предмет исследования – специфика использования языковых и структурных средств для создания атмосферы взаимопонимания и уважения в тексте.

Для достижения цели исследования используются методы анализа текстов, семантического и структурного анализа, сравнительного анализа текстов различных авторов и эпох. Также важным методом является контент-анализ и исследование влияния текстов на аудиторию и читателя.

Одной из основных гипотез исследования является предположение о том, что художественные тексты, содержащие элементы коммуникативной толерантности, способны не только отражать, но и формировать уважительное отношение к разнообразию и отличиям в общении и восприятии мира.

Изучая тему коммуникативной толерантности в литературных произведениях, можно утверждать, что существует недостаточное количество научных изысканий, посвященных анализу толерантности в общении в художественных текстах, что обосновывает актуальность данной темы и необходимость более глубокого ее исследования.

Изложение основного материала статьи. В рамках современных лингвистических и литературных исследований ключевым аспектом является анализ понятия «коммуникативная толерантность». Коммуникативная толерантность отражает способность индивида или сообщества принимать и уважать различия в мнениях, культуре, языке и других аспектах коммуникации [2]. Важность этого понятия подчеркивается различными теоретическими подходами, которые играют существенную роль в понимании и развитии коммуникативной практики.

Одним из ключевых теоретических подходов к коммуникативной толерантности является межкультурная коммуникация. Этот подход акцентирует внимание на необходимости развития умения эффективно взаимодействовать с представителями других культур, адаптировать своё поведение и язык в соответствии с особенностями культурного контекста. Так, Т.С. Непшекуева полагает, что «важным условием успешной МК является подготовка к ней всех сторон, вступающих в нее,

ознакомление с межкультурными различиями apriori, проявление межкультурной эмпатии» [3].

Кроме того, концепция межличностной коммуникации также играет важную роль в изучении коммуникативной толерантности. Главное в данном подходе – умение строить конструктивные отношения с различными собеседниками, проявлять гибкость в общении и уважительно воспринимать точки зрения других людей.

Необходимо также отметить лингвистический подход к коммуникативной толерантности, который связан с умением адаптироваться к разнообразию языковых систем и стилей в коммуникации. Этот подход особенно актуален в контексте мультиязычного общества, где необходимо находить общий язык с представителями различных языковых сообществ [4].

Существует множество определений и интерпретаций коммуникативной толерантности, и различные теоретические подходы помогают раскрыть это понятие с разных сторон.

1. Социокультурный подход: в рамках этого подхода коммуникативная толерантность рассматривается как умение принимать и уважать культурные различия, осознавая, что каждое сообщество имеет свои уникальные ценности, нормы и традиции. Важно не только терпимо относиться к этим различиям, но и активно стремиться к их пониманию и уважению. Существует мнение, что «одним из важных элементов этой структуры выступает социокультурная компетенция, представляющая собой знание универсальных и специфических характеристик поведения и общения различных народов и умение применять полученные знания при реализации коммуникативных моделей иноязычного речевого поведения, в том числе для предупреждения вероятности межкультурного непонимания» [5].

2. Психологический подход: с психологической точки зрения коммуникативная толерантность связана с эмпатией, способностью слушать и понимать других людей, даже если их взгляды отличаются от наших. Этот подход подчеркивает важность развития навыков эмоционального интеллекта и общения для успешного взаимодействия, так как «коммуникативная толерантность тесно связана с эмоциональным проявлением языковой личности в ее текстовой и речевой деятельности» [6].

3. Лингвистический подход: в лингвистике коммуникативная толерантность понимается как гибкость и умение адаптировать свою речь и языковые средства к собеседнику, учитывая его культурно-языковой контекст. Согласимся с высказыванием о том, что «внимание к этой сфере обусловливается пониманием существования культурных препятствий даже с учетом соблюдения всех языковых норм: такие преграды могут быть связаны как с различиями в стандартах речевого поведения, так и с различными значениями, которые участники коммуникации причисляют одним и тем же лексическим единицам» [7]. Этот подход акцентирует внимание на важности языкового аспекта в процессе коммуникации.

4. Социальный подход: с точки зрения социологии коммуникативная толерантность связана с уважением и признанием равенства прав всех участников общения. Важно стремиться к конструктивному диалогу, избегая дискриминации, стереотипов и предвзятости.

Таким образом, различные теоретические подходы к понятию коммуникативной толерантности позволяют рассмотреть его с разных точек зрения и выделить ключевые аспекты, необходимые для успешного и гармоничного взаимодействия в современном обществе.

Для анализа художественных текстов с точки зрения коммуникативной толерантности используются различные методы и подходы. Они включают:

– критический анализ текста: этот метод позволяет изучать тексты с учётом ценностей, норм и возможных дискриминационных элементов, а также анализировать их воздействие на восприятие различных культур и традиций;

– контент-анализ: данный метод направлен на систематизацию и классификацию информации в текстах для выявления структуры сообщений,

наличия стереотипов, предвзятости и использования языка и символов с точки зрения коммуникативной толерантности;

– сравнительный анализ: сопоставление различных художественных текстов позволяет выявить сходства и различия в отношении к темам толерантности, уважению к различиям и инклюзии, что помогает понять общие тенденции в представлении коммуникативной толерантности в литературе;

– дискурсивный анализ: данный метод анализирует языковые конструкции в текстах с учётом их влияния на формирование представлений о толерантности и уважении к различиям, освещая значения слов, выражений и образов для определения дискриминации или поощрения толерантного взаимодействия;

– эмпирические исследования: проведение опросов, фокус-групп и интервью с читателями или авторами текстов помогает выявить их взгляды на коммуникативную толерантность, оценить уровень осознанности и понимания данной темы [8].

Комбинация различных методов и подходов к исследованию коммуникативной толерантности позволяет получить более полное и глубокое понимание этого важного аспекта в современном обществе.

Для обеспечения точности и репрезентативности исследования, при отборе текстов для исследования были использованы следующие критерии:

1. Тематика: тексты подбирались в соответствии с заранее определенной тематикой исследования.

2. Репрезентативность: были отобраны тексты, которые являются репрезентативными для определенной культурной или литературной среды.

3. Интерес к исследованию: тексты взяты с учетом интереса исследователя к анализу конкретных произведений.

4. Доступность: подобранные тексты легкодоступны для анализа.

5. Разнообразие: при выборе важно было обеспечить разнообразие жанров, времен и культур для получения более полного представления о теме исследования.

Учитывая эти критерии, можно составить сбалансированный набор текстов для дальнейшего анализа с точки зрения коммуникативной толерантности.

В контексте анализа коммуникативной толерантности в художественном произведении рассмотрим текст сказки Сергея Аксакова «Аленький цветочек» и его связь с концепцией толерантности. Писатель подчеркивает толерантное поведение отца к своим дочерям и их мнению, демонстрируя уважение и готовность исполнить их желания. Это является отличным примером понимания и принятия чужих интересов, что находится в центре понятия толерантности. Особое внимание уделяется поведению младшей дочери Настеньки, которая проявляет уважение к хозяину дворца, хотя он не является человеком. Этот поступок рассматривается как проявление толерантности и сострадания к другому существу, осознание его одиночества и грусти. Кроме того, акцент делается на том, как толерантное поведение и уважение к другим существам могут помочь преодолеть трудности и обрести путь домой. В данном случае, уважительное отношение к хозяину дворца способствовало Настеньке возвращению к своему отцу. Таким образом, сказка Сергея Аксакова иллюстрирует, как в художественных произведениях могут быть представлены сцены толерантности, уважения и понимания к различным существам, а не только к людям. Эти качества играют важную роль в коммуникации и взаимодействии как в литературе, так и на практике.

В рамках анализа коммуникативной толерантности в художественных произведениях существенную роль играет роман Александра Сергеевича Пушкина «Евгений Онегин», где в образе главной героини – Татьяны, автор воплотил наилучшие качества женщины: естественность, скромность и толерантность. Татьяна проявляет искренние чувства к Онегину и откровенно выражает их в своем письме, не стесняясь своих эмоций. Встречая такое теплое и искреннее отношение, Онегин осознает серьезность намерений девушки и, не желая играть с ее чувствами, отвергает ее. Спустя несколько лет Татьяна и Онегин снова пересекаются на своем жизненном пути. В этот раз Онегин восхищается прекрасной Татьяной, но Татьяна уже не решается покинуть своего мужа, который значительно старше нее. Она видит в нем

защитника и друга, проникаясь уважением к его личности. Татьяна демонстрирует толерантность и уважение к своему мужу несмотря на то, что их брак был заключен не по любви, как это часто было принято в обществе XIX века. Она находит в себе силы не только принять этот факт, но и проявить уважение и толерантность к своему супругу в течение всей супружеской жизни. Таким образом, образ Татьяны в романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкина является ярким примером женской толерантности, уважения и способности принимать сложные жизненные ситуации с достоинством и уважением. Анализ данной героини позволяет понять важность этих качеств в межличностных отношениях и во взаимодействии в обществе.

В книге Редьярда Киплинга «Маугли» выраженные через животных образцы толерантного поведения подчеркивают важность уважения и мудрости во взаимодействии. Главный герой, Маугли, несмотря на свое «человеческое» происхождение, воспитывается животными, которые преподают ему важные уроки и ценности. Балу, Каа и Багира выступают в роли авторитетных фигур, которые направляют Маугли и учат его правильным поступкам. Маугли проявляет уважение к их мудрости, терпеливо выслушивая наставления и стараясь следовать их советам. Это свидетельствует о его толерантности к старшим и готовности учиться на опыте других. Напротив, тигр Шерхан представляет образ нетерпимости и жестокости. Он не признает никаких авторитетов, кроме своей силы, и не проявляет уважения к окружающим. Маугли не толерантен по отношению к Шерхану из-за его жестокости и эгоизма. Таким образом, в сказке «Маугли» автор ярко показывает значение толерантности, уважения и мудрости в общении, а также опасность нетерпимости и насилия. Герой Маугли становится символом силы, уважения и добродетели в мире, где даже животные способны демонстрировать высокие моральные качества.

В романе Сергея Лукьяненко «Ночной дозор» тема толерантности выделяется на фоне борьбы между силами зла и добра, которая символизирует внутренний конфликт в человеке. В книге отмечается важность поддержания баланса между добрым и злым, где толерантность играет ключевую роль. Главный герой Антон, сталкиваясь со злом и пытаясь бороться с ним, сам ощущает на себе притяжение к темной стороне из-за сложности и тонкости моральных дилемм. Этот момент подчеркивает, что даже тот, кто сталкивается с темными сторонами жизни, должен тщательно балансировать, чтобы не потерять свою гуманность и преданные ценности. В произведении Лукьяненко намекает на то, что уничтожение зла не всегда является единственным решением. Даже к могущественным вампирам, стремящимся заразить других себе подобными, можно применить более мягкие методы, сохраняя жизни и ища компромисс. Антон осознает, что даже в крайне сложных ситуациях можно найти альтернативные пути развития событий, ограничивая необходимость применения насилия. Автор заостряет внимание на важности соблюдения баланса и разумного подхода к противостоянию злу, демонстрируя, что даже добрые существа, необдуманно применяя силу, могут нанести ущерб равновесию в мире. Таким образом, роман «Ночной дозор» выстраивает образ толерантности как ключевого элемента в решении моральных и этических проблем, акцентируя важность принятия компромиссов и сохранения гармонии в обществе.

Проведенный анализ художественных текстов с точки зрения коммуникативной толерантности позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, художественные произведения, содержащие элементы толерантности, не только отражают, но и формируют уважительное отношение к разнообразию и отличиям в общении и восприятии мира. Путем анализа текстов различными методами, такими как критический анализ, контент-анализ, сравнительный анализ, дискурсивный анализ и эмпирические исследования, можно выявить и проанализировать толерантные поведенческие и моральные модели, представленные в литературе.

Проанализированные тексты насыщены примерами толерантности, уважения и принятия различий. Например, в сказке Сергея Аксакова «Аленький цветочек» подчеркивается уважительное и толерантное поведение главных героев к другим существам, включая тех, кто не является человеком. Этот пример демонстрирует важность понимания и принятия чужих интересов в центре концепции толерантности.

Также образ Татьяны из романа Александра Сергеевича Пушкина «Евгений Онегин» показывает высокие моральные качества, такие как толерантность, уважение и способность принимать сложные жизненные ситуации с достоинством и уважением. Ее способность проявлять уважение к другим существам, включая мужа, несмотря на необычные обстоятельства и традиции, служит примером толерантного поведения. В сказке Редьярда Киплинга «Маугли» также ярко выражены образцы толерантного поведения через животных, подчеркивающие важность уважения и мудрости в общении. Главный герой Маугли является образцом ученика, проявляющего уважение к старшим и готовность учиться у них, тогда как его отношения с нетерпимым тигром Шерханом демонстрируют опасность нетерпимости и насилия. Наконец, в романе Сергея Лукьяненко «Ночной дозор» толерантность выступает как ключевой элемент при противостоянии сил зла и добра. Важность соблюдения баланса и разумного подхода к конфликту ярко демонстрируется через главного героя, который сталкивается с внутренними моральными дилеммами.

Таким образом, анализ художественных текстов показывает, что коммуникативная толерантность играет ключевую роль в формировании уважительного отношения к разнообразию и отличиям в общении и восприятии мира. В литературе не только отражаются эти качества, но и активно продвигаются, влияя на читателей и помогая им лучше понимать и ценить разнообразие в обществе. Полученные данные о толерантности в художественных текстах имеют большую значимость как для литературного анализа, так и для общественной пользы, так как «толерантность является важным звеном жизненных взглядов сформированной личности, имеющей свои преимущества и интересы и готовой при необходимости встать на их защиту, но наряду с этим с вниманием относящейся к мнениям и ценностям других людей» [9]. Понимание того, какие образцы толерантного поведения и уважения представлены в исследуемых произведениях, может помочь сформировать толерантное и более открытое отношение к разнообразию среди читателей и общества в целом.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на более глубокий анализ толерантности в различных жанрах литературы, на различных исторических этапах или в разных культурных контекстах. Также важно исследовать влияние текстов, содержащих элементы толерантности, на читателей и их мировоззрение, так как «в оценке выражены позиции автора, его система ценностей, представления о происходящем. Оценка является важным, а иногда и основным средством аргументации и может меняться вплоть до противоположной в зависимости от целей коммуникации или под влиянием социальных факторов» [10]. Помимо этого, можно провести сравнительные исследования толерантности в художественных текстах разных стран и культур, что позволит выявить общие черты и отличия в подходе к этой теме. Также важно изучить реакцию общества на художественные произведения, которые акцентируют внимание на толерантности и уважении к разнообразию. Следовательно, дальнейшие исследования в области толерантности в художественных текстах могут помочь более глубоко понять роль литературы в формировании толерантного общества, а также способы ее применения для пропаганды уважения и равноправия среди людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Львова И. В. Коммуникативная толерантность как компонент профессиональной культуры будущих специалистов педагогов / И. В. Львова, В. П. Михайлова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 5. – С. 36-40.

2. Рянжина М. Н. Толерантность как феномен культуры, социальной действительности и воспитания / М. Н. Рянжина // Среднее профессиональное образование. – 2021. – 453 с.

3. Непшекуева Т.С. Проблемы межкультурной коммуникации на современном этапе и «зеркальный» культурный шок // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 71-й научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2015 год. Ответственный за выпуск А. Г. Кощаев. 2016. С. 292-293.

4. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник / Л.Г. Бабенко. – М.: Флинта: Наука, 2019. – 496 с.

5. Алещанова И.В., Фролова Н.А. Обучение чтению как способ формирования социокультурной компетенции студентов // Академический журнал Западной Сибири. 2015. Т. 11. № 1 (56). С. 134.

6. Ахиджакова М.П., Донскова Л.А. Эмотивность и коммуникативная толерантность в структуре эмоциональности художественного текста // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 3. С. 67-78.

7. Донскова Л.А., Ахиджакова М.П. Особенности коммуникативной толерантности в художественном тексте: лингвистические подходы // Вестник Пятигорского государственного университета. 2021. № 1. С. 97-100.

8. Касьянова Е. И. Теоретический анализ коммуникативной толерантности / Е. И. Касьянова, Н. И. Виноградова // Учёные записки ЗабГУ. Сер.: Философия, социология, культурология, социальная работа. – 2024. – № 4. – 502 с.

9. Донскова Л.А. Философский анализ категории «толерантность» // Эпомен. 2021. № 58. С. 15-21.

10. Аракелян Н.С. Язык интолерантности в современной публицистике (по материалам статей Роберта Бриджа) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2013. № 89. С. 1357-1369.

УДК 811.111-26

ПОВЕСТВОВАНИЕ В ДВИЖЕНИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТА «ГРЕБЛЯ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Исмаилова Екатерина Константиновна
Преподаватель, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
Россия, Краснодар
E-mail:ekaterinaromaskina20@gmail.com
SPIN-код: 2580-6679

В статье проводится анализ как концепт «гребля» представлен в англоязычной художественной литературе с лингвистической точки зрения. Актуальность работы обусловлена малоизученностью концепта «гребля» в контексте художественной литературы. В работе рассматривается, как данный концепт проявляется в языке, его лексические и грамматические особенности, а также его культурно-исторический контекст с акцентом на особенности его репрезентации в произведении английского писателя-классика Дж.К.Джерома «Трое в лодке, не считая собаки». В работе использовались метод сплошной выборки, метод сравнительного анализа и описательный метод.

Авторы приходят к выводу, что комплексный анализ лингвистического аспекта концепта «гребля» позволяет выявить его многогранность и сложную структуру, включающую в себя понятийный, образный и ценностный компоненты.

Ключевые слова: концепт, концептология, гребля, лингвокультурология, лингвистика, английская литература, семантика, художественная литература.

NARRATIVE IN MOTION: THE LINGUISTIC ASPECT OF THE CONCEPT OF «ROWING» IN ENGLISH-LANGUAGE FICTION

Ismailova Ekaterina Konstantinovna
Teacher, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism,
Krasnodar, Russia,
E-mail:ekaterinaromaskina20@gmail.com
SPIN-код: 2580-6679

The article analyzes the presentation of the concept «rowing» is in English-language fiction from a linguistic point of view. The relevance of the work is due to the little-studied concept of «rowing» in the context of fiction. The work examines how this concept manifests itself in language, its lexical and grammatical features, as well as its cultural and historical context, using the example of the work of the English classic writer Jerome K. Jerome «Three men in a boat (To say nothing of the dog) ». The following methods of scientific analysis are used: the method of continuous sampling, the method of comparative analysis and the descriptive method.

The authors conclude that a comprehensive analysis of the linguistic aspect of the concept of «rowing» has revealed its versatility and complex structure, including conceptual, figurative and value components.

Keywords: concept, conceptology, rowing, linguoculturology, linguistics, English literature, semantics, fiction.

*****

Термин «концепт» вошел в понятийный аппарат когнитивистики, семантики, а также лингвокультурологии. Период утверждения термина в науке непременно связан с определенной размытостью границ, произвольностью его употребления, смешением с близкими по значению и/или по языковой форме терминами [1].

А. П. Бабушкин в монографии «Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка» рассматривает концепты как структуры представления знаний. Он понимает концепт «как любую дискретную содержательную единицу коллективного сознания, отражающую предмет реального или идеального мира, хранимого в национальной памяти носителей языка в виде познанного субстрата. Концепт вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно» [2].

Согласно теории концептуального анализа, концепт «гребля» можно определить как многомерное ментальное образование, включающее в себя понятийный, образный и ценностный компоненты.

Понятийный компонент концепта включает в себя совокупность знаний об этом виде деятельности, ее технических и функциональных особенностях [3]. Образный компонент концепта «гребля» связан с визуальными, аудиальными и кинестетическими ассоциациями, вызываемыми данным понятием. Ценностный компонент концепта отражает его значимость в системе культурных ценностей и традиций определенного лингвокультурного сообщества [4].

Важно отметить, что данный концепт не является статичным образованием, а динамично развивается и трансформируется под влиянием социокультурных, исторических и языковых факторов. Следовательно, концепт – это знание об объекте из мира действительности, то есть концепт «гребля» в лингвистике считается довольно многогранным понятием, которое отражает характеристики и особенности процесса гребли в его культурно-историческом, лексическом, метафорическом, грамматическом контексте.

Следует начать рассмотрение концепта «гребля» с его культурно-исторической точки зрения. Понимание данного культурного кода, дает возможность углубить понимание концепта «гребля», так как вербализация данного понятия будет исходить из его исторической составляющей.

Использование весел для перемещения по воде было важным навыком для многих древних цивилизаций, живших вблизи рек, озер и морей. Гребля играла ключевую роль в развитии торговли, военного дела, исследовании новых территорий. Так, в Древней Греции и Древнем Риме гребные суда широко применялись в военных и торговых целях, в Средневековой Европе гребные лодки использовались для перевозки грузов и пассажиров по рекам и каналам. В Азии, Африке и Америке различные народы также активно использовали весельные суда в своей хозяйственной деятельности.

По словам В. Н. Топорова, архетипические образы пути и путешествия по воде постоянно всплывают в поэтическом творчестве больших художников. Он упоминает в этом ряду произведения Гомера («Одиссея»), Вергилия («Энеида»), Данте («Божественная комедия») и другие [5].

Именно водная стихия покорилась англичанам и позволила стать морской державой начиная со второй половины XVI века. Вдобавок, стоит отметить, что гребля, как вид спорта, также зародилась в Англии и все заимствования в лексике, связанные с мореплаванием и греблей, взяты из английского языка. Дж.К.Джером в романе «Трое в лодке, не считая собаки», также взял за основу путешествие по реке. Повесть является всесторонним отображением общественных и социальных реалий Англии того периода, выраженным в его авторском юмористическом стиле.

Произведение Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» является ярким примером художественной литературы, в которой концепт «гребля» занимает центральное место, определяя не только сюжетную динамику, но и языковое воплощение авторского замысла.

Уже в самом названии произведения «Трое в лодке, не считая собаки» концепт «гребля» задает основной вектор повествования, указывая на важность данного вида деятельности для развития сюжетной линии. Более того, само название произведения

можно рассматривать как своеобразный «ключ» к пониманию роли данного концепта в художественной картине мира, представленной в романе.

Особенностью изложения истории/сюжета путешествия по воде является то, что переход от одной темы к другой происходит незаметно, словно течение реки, которое плавно несет читателя от одного места в другое, отражая поток сознания автора.

Текст, в свою очередь, интертекстуален, он содержит отсылки на события, обстоятельства и людей, известные и автору, и адресату, создавая у читателя иллюзию прослушивания интимной беседы. Так, например, автор упоминает исторические факты и выдуманные истории, дабы разнообразить само путешествие. Использование автором тропов и риторических фигур, в особенности метафор, помогает расширить восприятие концепта «гребля», чтобы его раскрыть с разных сторон и вызвать у читателя различные ассоциации и эмоции, а также визуализировать данное понятие.

Что касается аспекта движения, то он обуславливает внутреннюю характеристику пространства, которая особенно проявляется в тех обозначениях пространства, которые обнаруживают связь с названиями орудий движения [5].

Здесь стоит отметить лексический состав, который используется Джеромом К. Джеромом для описания процесса гребли, отражающий языковую объективацию концепта. Здесь можно выделить несколько лексических групп:

1) Специфическая терминология, связанная с техникой и оборудованием, относящаяся также к спортивному дискурсу: весло, лодка, руль, уключина, киль, банка, баркас, парус, руль, мачта, бечевка, шлюз, корма, нос.

«Тебя нельзя пускать в *лодку*, вот что! Подай *багор*.»

«Я был *кормовым*.»

«…Джордж испугался и отбросил *мачту*.»

«…как легко будет идти обратно *под парусом*.»

«Я правил *рулем*.»

Эти лексемы помогают адресату визуализировать процесс гребли на любительском уровне, и понять, что происходит на воде.

2) Глаголы движения, которые, в большинстве своем, неразрывно связаны с терминологией, так как при употреблении самостоятельно, являются многозначными: плыть, скользить, двигаться, идти, тянуть, вывернуться, перевернуть.

Например, глагол «идти» имеет множество значений, которые меняются в зависимости от контекста – в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова этот глагол имеет более 40 значений.

Если мы говорим про спортивный «профессиональный» дискурс, то фраза «идти на лодке», а не «плыть» является устойчивой и более корректной.

Для читателя, такие тонкости не придают особой значимости, так как оба глагола, в свою очередь, передают динамику и ритм гребли, создавая повествование в движении.

«А теперь они *подплывают* как можно ближе, насколько у них хватает смелости.»

«Мы с Джорджем *провели лодку бечевой* мимо Домашнего парка…»

«Именно здесь, *плавая в* своей *лодке* под буками Бишема…»

«Я помню, однажды на реке меня совсем *перевернуло* (в переносном смысле, конечно)».

Последний пример также интересен, так как в профессиональном жаргоне существует специальная лексема «вывернуть», или возвратная «вывернуться», которая с точки зрения контекста более уместна, но автор дает понять, что глагол «перевернуться» употребляется по отношению к лодке, а не герою.

Нельзя не отметить, что основной глагол, который употребляется Дж.К.Джеромом для создания образа движения – это глагол «грести»: «..я ответил и продолжал *грести*.», «И я *прогреб* еще милю.», «…и вы долго *гребете*…», «*Гребите* правым, идиот вы этакий!». Он, в свою очередь, не требует употребления в группе других лексем, так как сам по себе обозначает действие:

а) работать веслом, вёслами для приведения в движение лодки.

б) плывя, делать движение руками в воде, над водой [6].

Помимо лексики, важную роль играют и грамматические конструкции. Для передачи динамики гребли автор часто использует глаголы в прошедшем времени [7], «погружая» читателя в рассказ, со стороны позволяя наблюдать за действием: «…я *налег* на весла», «Я *продолжал* грести.», «он шумно, наотмашь, *ударил веслами*», «Я собрался с силами, *налег на весла* и *начал грести*».

Вдобавок, можно увидеть обилие деепричастных оборотов, подчеркивающих, в свою очередь, одновременность действий: «Часто приходится видеть, как двое быстро идут по берегу, *таща за собой лодку*.», «Гаррису приходилось наклоняться все больше и больше, *пытаясь при этом управлять лодкой*.», «…чтобы с лопастей стекала вода, *опуская их снова*, самое гладкое место».

Короткие, рубленые предложения, которые помогают Дж.К.Джерому передать физическое напряжение, имитирующие ритм гребли динамику и темп гребли, вовлекая читателя в происходящее: «Весло входит в воду», «Джордж делает мощный гребок», «Я греб великолепно», «Вверх по реке!».

Образно-ассоциативный аспект концепта «гребля» в произведении Дж. К. Джерома тесно связан с образами природы, движения, свободы и приключений. Так, описания процесса гребли часто сопровождаются живописными пейзажными зарисовками, передающими красоту и величие окружающего мира: «Когда разговор прерывается, слышно, как река, плескаясь вокруг лодки, рассказывает диковинные старые сказки, напевает детскую песенку, пока ее голос не станет дряхлым и хриплым», «Река под набегающей тенью ночи становилась все сумрачней и таинственней, и все предметы казались загадочными и необычными».

Кроме того, концепт «гребля» в произведении «Трое в лодке, не считая собаки» приобретает символическое значение, становясь метафорой жизненного пути, полного испытаний и приключений. Преодоление трудностей, связанных с греблей, становится своеобразным отражением преодоления жизненных препятствий, что находит выражение в образно-ассоциативном аспекте концепта.

Метафорические выражения, а также сравнительные обороты позволяют автору создавать яркие, детализированные описания гребли, погружая читателя в атмосферу происходящего: «лодка плавно скользила по воде», «лопасти опускались в поток с мягкими, успокаивающими звуками», «течение несло нас, как лист по ветру».

Более того, концепт «гребля» в произведении Джерома К. Джерома играет ключевую роль в формировании художественной картины мира, представленной в романе.

Во-первых, он определяет сюжетную динамику, задавая основной вектор развития событий и являясь своеобразным «двигателем» повествования.

Во-вторых, концепт выступает в качестве важного элемента художественного мира, отражающего национальные традиции, культурные ценности и особенности мировосприятия англичан.

Таким образом, концепт «гребля» в англоязычной художественной литературе представлен многогранно и разнообразно. Комплексный анализ языковой объективации данного концепта позволяет глубже понять особенности национального мировосприятия, отраженные в произведении, и оценить мастерство автора в создании яркого и многомерного художественного образа.

В ходе проведенного исследования было установлено, что концепт «гребля» в произведении Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» является ключевым элементом, определяющим не только сюжетную динамику, но и языковое воплощение авторского замысла.

Автор использует богатую лексику, выразительные грамматические конструкции, а также разнообразные образы и метафоры, чтобы передать физическую динамику, эмоциональное напряжение и философское измерение этого вида спорта. Анализ лингвистических особенностей позволяет глубже понять,

как гребля отражается в художественном повествовании и какую роль она играет в раскрытии внутреннего мира героев.

Кроме того, было установлено, что концепт «гребля» играет ключевую роль в формировании художественной картины мира, представленной в романе Джерома К. Джерома. Данный концепт не только определяет сюжетную динамику, но и приобретает символическое значение, становясь метафорой жизненного пути, полного испытаний и приключений.

Проведенное исследование вносит вклад в развитие лингвокультурологического подхода к изучению художественной литературы, демонстрируя возможности комплексного анализа концептуальных структур, отраженных в языковом материале. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях, посвященных изучению специфики национального мировосприятия, отраженного в произведениях англоязычной художественной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик – Волгоград: Перемена, 2002 – 477 с.

2. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бабушкин Анатолий Павлович. – Воронеж, 1997. – 330 с.

3. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов – Москва: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.

4. Ангелова М. М. «Концепт» в современной лингвокультурологии / М. М. Ангелова // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Том Выпуск 3. – Москва: ООО «Издательство Прометей», 2004. – С. 3-10

5. Топоров В. Н. Пространство и текст. Текст: семантика и структура / В.Н. Топоров – Москва: Наука, 1983. С. 227–285..

6. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка 170 тыс. слов и словосочетаний. Новая современная редакция / Д. Н. Ушаков – Москва: ООО «Хит-книга», 2020. – 816 с 5.

7. Караулов Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Ю.Н. Караулов , В.В. Петров – Москва: Прогресс, 2000. – 308 с.

8. Москалинский А. А. Река как основной географический образ в художественной литературе / А. А. Москалинский – Псков: «Псковский регионологический журнал», 2010. – С. 141-146. – №10.

9. Хитарова Е. Г. Вербализация понятия «гребля» на материале произведения Дж. К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» / Е. Г. Хитарова, Е. К. Яговец // Colloquium-Journal. – 2020. – № 1-5(53). – С. 47-48.

10. Джером К. Джером. Трое в лодке, не считая собаки: [повесть] / Джером К. Джером [перевод с английского М.Салье] – Москва: Мартин, 2021. – 224 с.

УДК 808.2

ПОТЕНЦИАЛ СООБЩЕСТВА РЕГИОНАЛЬНЫХ БЛОГЕРОВ В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ

Лаврикова Дарья Валентиновна
Заместитель генерального директора ГАУ «РИА Верхневолжье», директор контент-центра

Лаврикова Ирина Николаевна
Профессор кафедры правовой и гуманитарной подготовки Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор культурологии, доцент
E-mail: ilavrikova@rambler.ru

В статье подчеркивается важность формирования личного бренда, как инструмента продвижения бренда территории в социальных сетях. Рассмотрены факторы, поддерживающие феномен блогинга в настоящее время. Создание регионального бренда – это один из видов информационного продукта, поэтому взаимодействие с блогосферой в данном контексте необходимо учитывать.

Авторами обозначено проблемное поле исследований, которое состоит в анализе деталей маркетинга влияния через известных блогеров и лидеров мнений при профессиональной разработке территориального имиджа.

В статье отмечены сущностные особенности брендинга в медийной сфере, поскольку на фоне развивающейся цифровой коммуникации все чаще пристальное внимание как у теоретиков, так и у практиков от информационной сферы фокусируется на будущности массмедиа в условиях интенсивно развивающихся альтернативных площадок (сети, мессенджеры, блогосфера, иные метаданные).

Ключевые слова: аккаунт, аудитория, блогер, блогосфера, бренд территории, взаимодействия с подписчиками, информационный контент, личный бренд, маркетинг влияния, приобретение бренда, продвижение, социальные сети, факторы успешности целевая общественность, человечный маркетинг.

THE POTENTIAL OF THE COMMUNITY OF REGIONAL BLOGGERS IN THE FORMATION OF THE TERRITORY'S BRAND COMMUNICATION STRATEGY

Lavrikova Daria Valentinovna
Deputy General Director of RIA Verkhnevolzhye, Director of the Content Center

Lavrikova Irina Nikolaevna
Professor of the Department of Legal and Humanitarian Training of the Tver Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Doctor of Cultural Studies, Associate Professor
E-mail: ilavrikova@rambler.ru

The article emphasizes the importance of forming a personal brand as a tool for promoting the territory's brand on social networks. The factors supporting the phenomenon of blogging at the present time are considered. Creating a regional brand is one of the

types of information product, so interaction with the blogosphere in this context must be taken into account.

The authors have identified a problematic field of research, which consists in analyzing the details of influence marketing through well-known bloggers and opinion leaders in the professional development of a territorial image.

The article highlights the essential features of branding in the media sphere, since against the background of developing digital communication, close attention from both theorists and practitioners from the information sphere is increasingly focused on the future of mass media in conditions of intensively developing alternative platforms (networks, messengers, blogosphere, other metadata).

Keywords: account, audience, blogger, blogosphere, brand territories, interactions with subscribers, information content, personal brand, influence marketing, brand acquisition, promotion, social networks, success factors target public, human marketing.

*****

Эпоха цифровизации фундаментально изменила представления о многих сферах жизни общества и в корне поменяла привычки потребителя об источниках информации. Новейшая коммуникативная революция, адептами которой мы стали по воле случая, значительно трансформировала принципы примитивного и непримитивного человеческого существования, привнеся в современную бытийность массу новых приспособлений и ощущений. В данной работе мы не планируем высказывать оценочные суждения по поводу того, что произошло и происходит – хорошо это плохо, или как цифровые перемены изменяют качество общемировой или локальной коммуникации. Мы ставим перед собой задачу выяснить в какой мере сообщество блогеров, как одно из яркий порождений актуальных модификаций, можно использовать при формировании территориального бренда.

Представляется необходимым упомянуть, что сам блогинг – на сегодняшний день продукт малоизученный. Он не имеет окончательно выработанной и общепринятой законодательной базы, поэтому с трудом регламентируется законом.

Мы не можем обойти, пусть даже коротко, факторы,: по мнению Е.И. Лоцан и Е.А. Якобсон, создание «личного бренда»[1] – это «не так-то просто и не под силу каждому», потому что возникают трудности преодоления, к ним необходимо быть готовыми, продумав исключительно все, вплоть до мелочей. В настоящее время вполне справедливо все увеличивающееся количество блогеров наводит на мысль о доверии к создаваемому контенту, а значит и к персоне блогера, который этот контент транслирует (в том числе и к рекламе). Блогер, в первую очередь, является определенным «образом», «личным» монетизируемым «брендом», над которым работают несколько человек, становясь лицом информации, переходящей с его страницы в социальной сети. Назревают типичные вопросы: «какому блогеру верить и почему», «что важно для потенциальных покупателей и как их нужды учитываются различными личными брендами блогеров», «существуют ли единые критерии оценки привлекательности блогеров, как инструментов продвижения товара» [1, с. 190]. Безусловно, общество «взрослеет», адаптируясь к новым явлениям, и реагирует так, как считает нужным и диктуют реалии рынка.

Создание регионального бренда – это один из видов информационного продукта, поэтому взаимодействие с блогосферой в данном контексте важно учесть. В свете наших исследований необходимо принять и тот факт, что блогеры

[1] Важно учитывать, что, явление «личный бренд» только набирает обороты в исследовательской сфере, поэтому как таковых теоретических концепций, касающихся привлекательности личных брендов, не существует, также, как и конкретного понятия «личный бренд». Кстати, рассуждая о личном бренде мы должны понимать, что «касается известных личностей, действие силы их личного бренда просто невозможно оценить; кстати, известными многие личности становятся не благодаря каким-либо достижениям или открытиям, а как раз-таки за счет хорошо проработанного персонального образа» [1, с. 190-191].

являются потенциальными «экспертами и лидерами мнений, способными оказывать очень сильное и непосредственное влияние на представления, ценности и мнение своей аудитории» [1, с. 190]. Действительно, настало время признать блогосферу своего рода индикатором общественного мнения, и это также необходимо учесть при формировании коммуникативных стратегий.

Профессионально разрабатывая территориальный имидж, проанализируем некоторые детали маркетинга влияния[1] [2] через известных блогеров и лидеров мнений.

Любопытно, что Тому Питерсу удалось разработать что-то вроде «пошаговой инструкции» по формированию личного бренда, которая включает в себя следующее: идентификация, определение себя (1); определение своей ниши (2); выявление целевой аудитории (3); разработка главного посыла (4); создание миссии (5); компетентность (6); получение особых знаний (7); личная разработка или УТП[2] (8); , запоминаемость (9); активность (10) (3, с. 129; цит. по 1, с. 192). Не беремся обсуждать эффективность и полноту предложенного документа, но нам посчастливилось жить в момент зарождения явления, когда любые, более или менее объективные теоретизации становятся подспорьем для формирования более совершенных и законченных исследований. Время «отшелушит» или «отсеет» интеллектуальный шлак…

Не стоит обходить вниманием разработки А. Козловой и Д. Кеннеди, которые включают уровни восприятия личности окружающими в манипулятивный ресурс блогера, речь идет о следующих позициях: 1) эмоциональный уровень; 2) уровень уникальности [4, с. 16]; 3) личностный уровень; 4) поведенческий уровень; 5) персональная идентификация [5, с. 21-24].

Согласно исследованиям[3], проведенным учеными Е.И. Лоцан и Е.А. Якобсон, был сделан вывод, что что «аудитории не всегда важно то, чем занимается блогер, куда важнее его личные качества и привлекательность. За его жизнью следят в первую очередь ради интереса, а уже после за какой-либо пользой». Более того, было установлено, что «для сферы искусства, бизнеса и образования характерны следующие критерии привлекательности: высокий уровень близости ценностей и качеств личного бренда блогера и его блога к целевой аудитории; уникальность продвигаемого бренда в сравнении с похожими брендами; высокий уровень подачи рекламы (визуальное и текстовое сопровождение, интеграция)» [1, с. 194, с. 197-198].

Поскольку задачей нашего исследования является анализ ресурсных возможностей блогинга при формирование территориального бренда, о чем уже говорилось выше, буквально «собирать по крупицам» идеи коллег, в той или иной мере приблизившихся к сути моделей, позволяющих продвигать бренд на политическом и коммерческом рынке. В частности, в этой связи наше внимание было привлечено к публикации 2021 года Марины Федоровой и Алены Галюк «Технология HR-брендинга компании в социальных медиа» [6], в которой особо привлекательной стала разработанная авторами технология формирования HR-брендинга, включающая в себя семь этапов, а именно[4]:

---

[1] Более подробно об этом см: Акулич, М. Инструменты интернет-маркетинга. Маркетинг влияния и ньюсджекинг / М. Акулич. – М : Издательские решения, 2017. – 50 с.

[2] Уникальное торговое предложение.

[3] С помощью анкетирования, контент-анализа и метод реконструкции медиаобраза в 2022 году проводился мониторинг красноярских блогеров; По результатам анкетирования были выявлены следующие критерии, лежащие в основе формирования лояльности к блогеру, рекламируемому им товару и его приобретению: высокий уровень близости ценностей и качеств личного бренда блогера и его блога к целевой аудитории; соответствие продвигаемого бренда тематике блога; наличие профессиональных навыков и компетенций у блогера по вопросу продвигаемого бренда; непосредственное использование самим блогером продукцией продвигаемого бренда; уникальность продвигаемого бренда в сравнении с похожими брендами; высокий уровень подачи рекламы (визуальное и текстовое сопровождение, интеграция); качественная информационная подача бренда (объективное описание его качеств, достоинств и недостатков) приятная внешность и симпатизирующая личность блогера; популярность блогера среди окружения человека (возможно, ктото из друзей уже купил) [об этом более подробно см: 1, с. 195-196].

[4] В тексте статьи авторами дается подробный анализ каждого этапа, мы же сделали акценты на те частности, которые, в наше представлении, лишь усиливают целесообразность того или иного этапа при продвижении бренда через блогинг; их мы указываем в скобках.

1. Выбор социальных медиа для продвижения бренда компании («наибольшая доля пользователей сети относится к возрастной группе 25-34 лет. Этот возрастной диапазон охватывает большое количество потенциальных соискателей и деловых партнеров».

2. Разработка контент-плана для работы с выбранными социальными медиа («в контент-план необходимо включать четыре тематических блока постов: коммуникационный, информационный, развлекательный и рекламный блоки. Данные посты размещаются регулярно по заранее разработанному графику»).

3. Разработка мероприятий для привлечения и вовлечения целевой аудитории (для вовлечения целевой аудитории могут быть предусмотрены следующие мероприятия: еженедельные трансляции, развлекательные тесты, конкурс комментариев под постом компании и пр.

4. Проектирование сувенирной продукции, отражающей айдентику бренда (такие мерчи как: термокружка, блокнот, флешка, тканевая сумка-шоппер; необходимо просчитать частоту их использования для того, чтобы сувениры были полезны.

5. Создание мокапов для брендбука (мокапы сувениров публикуются в социальных сетях компании «с целью привлечения целевой аудитории и побуждению ее к участию в конкурсах компании».

6. Разработка плана по внедрению таргетированной рекламы, настройка таргетинга («таргетированная реклама позволяет точно настраивать аудиторию, отслеживать эффективность рекламы с помощью статистики и контролировать расход средств».

7. Разработка KPI для SMM-специалиста, настройка цифровой аналитики метрик эффективности (числовые показатели деятельности помогают «измерить степень достижения целей оптимальности процесса, а именно: результативность и эффективность» [более подробно см: 6, с. 310-311]).

На фоне развивающейся цифровой коммуникации все чаще пристальное внимание как у теоретиков, так и у практиков от информационной сферы фокусируется на будущности массмедиа в условиях интенсивно развивающихся альтернативных площадок (сети, мессенджеры, блогосфера, иные метаданные).

С другой стороны, испытывая интерес к возможностям блогосферы при формировании и культивировании территориального бренда (впрочем, как и любого другого продукта), имеем ли мы право предположить, что каналы влияния на целевую аудиторию через новейшие средства межчеловеческого взаимодействия в основе своей совпадают с законами вовлечения публики методами СМИ? Полагаем, что подобное допущение вполне оправдано, поскольку объект влияния и у масс-медиа, и со стороны блогосферы один и тот же – это люди, способы восприятия которых, как и основные регулятивы манипулирования, относительно хорошо изучены. В этой связи, преследуя вполне конкретную цель – «раскручивание» регионального имиджа, вполне справедливо воспользоваться исследованиями П.И. Цветковой, которая подступилась к анализу «факторов успешности брендинга медиа-проекта».

Хотелось бы обратить внимание и на нашу солидарность с П.И. Цветковой в части методологического подхода, зафиксированного в работе «Факторы, влияющие на успешность брендинга и продакшена медиа-проекта» (публикация 2021 года), который, в нашем представлении, применим при создании бренд-пространства. В данном случае речь идет о том, что «необходимость актуализации научных исследований в данной сфере диктуется именно практическими потребностями», и начинать следует, в том числе, с концептуализации понятий и выявлении факторной модели успешности брендинга и продакшена медиа-проекта [7, с. 194]. Несколько выше нами уже была обоснована точка зрения о схожести «захвата» целевой аудитории различно устроенными коммуникационными площадками.

Итак, к каким же результатам пришла П.И. Цветкова, и, в конечном счете, что можно взять на вооружение при продвижении продукта блогосферой. Итак, прежде всего, это условия брендинга, к которым следует отнести: состояние

потребительской аудитории[1]; финансово-экономическую[2], технологическую[3], правовую[4] и конкурентную[5] среды. При этом, по мнению автора, «наиболее проблемным звеном в данной совокупности факторов выступает изучение состояния потребительской аудитории[6]. Практика исследований показывает, что формирование медиа-бренда непосредственно очень тесно связано именно с точностью диагностики целевого сегмента», тем более, что «зритель предпочитает тот канал, с которым у него установилась положительная эмоциональная связь» [7 с. 197-198].

Как показывает персональный опыт работы в масс-медиа, стоит согласиться с трехкомпонентной моделью успешности брендинга Ли Ханта, определившего в качестве основания три ключевых фактора, а именно: отстройку от конкурентов; верность своей корпоративной философии; адекватность для потребителя. По мнению Ли Ханта, только сочетание всех трех ключевых факторов сделает брендинг и продакшен успешными [8, с. 89-112; цит. по 7, с. 198]. И.А. Белов предлагает список оснований успешности расширить еще двумя факторами, в числе которых фактор контента и фактор медиа-дизайна [9; цит. по 7, с. 198].

В конечном счете, не стоит забывать фундаментальное назначение территориального брендинга – это, по мнению С. Анхольта[7], «акт продвижения и обмена, в котором не нужно видеть самоцель», это еще одна возможность для «популяризации территории, как благоприятной для инвестирования, предпринимательства и жизни граждан» [10], или, как полагает Кейт Динни, – это создание «самого реалистичного, самого конкурентоспособного и стратегического видения города, региона или стран» [11], а, согласно А.С. Брусовой и И.А. Щепиной, – это «образ региона в сознании мировой общественности» [12; цит. по 13, с. 80].

В процессе формирования территориального бренда немаловажное значение необходимо уделять глубокой связи имиджа региона и имиджа его политического лидера. В этой связи нам представляется полезным обратить внимание на работу Э.Д. Турсуновой и Н.Р. Иманкуловой «Политико-коммуникативная деятельность пресс-службы органов власти как инструмент формирования имиджа политического лидера», в которой в качестве вывода дается список требований[8] к тем, кто участвует в разработке бренда именно профессионально, поскольку «политический имидж является одним из самых сложных. В нем нужно учитывать каждую мелочь. Политический имидж формируется при помощи имиджмейкеров, ведь политик не может учесть все, у него просто нет времени» [14, с. 5].

---

[1] Влияние потребительских интересов, социокультурные изменения: стиль жизни, уровень образования, демографические изменения; состояние языковой среды.

[2] Экономические и финансовые возможности канала, где позиционируется медиапроект, степень его зависимости от рекламы.

[3] Технико-технические возможности канала, технологические инновации.

[4] Нормативно-правовые возможности для развития медиапроекта.

[5] Количество прямых конкурентов, их доли медиарынка, стратегии, инновации, ресурсы.

[6] По мнению Ли Ханта, «в области медиа предпочтение источника более важно, чем предпочтение конкретного продукта. Таким образом, подчеркивает автор, наибольшие возможности заключены в вертикальном перетекании аудитории» [8, с. 56–57; цит. по 7, с. 198].

[7] О многомерности территориального бренда как коммуникативной системы, выраженной в так называемом шестиугольнике С. Анхольта, более подробно см: Родькин, П.Е. Универсальная модель территориального бренда в контексте проблемы его репрезентации / П.Е. Родькин // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА им. С.Г. Строганова. – 2021. – № 4-2. – С. 20-29. – DOI: 10.37485/1997-4663_2021_4_2_20_29. – EDN: DJZWBJ.

[8] 1.Политический имидж должен быть пластичным как никакой другой.

2. Искусственно созданный имидж должен максимально соответствовать личностным (биологическим) возможностям политика.

3. Легенда может работать на имидж кандидата как в начале политической карьеры, так и «подпитывать» политический имидж на протяжении всей его деятельности.

4. Существует очень тесная связь между легендой и репутацией.

5. Политическая реклама играет огромную роль на имидж. Но не менее важную роль играет повестка дня, причем повестка дня привлекает к себе больший интерес, следовательно, имеет более глобальное и точечное воздействие.

6. Независимо от моды на деловой или спортивный костюм, нужно обязательно учитывать хромологию и геометрологию – это основа внешнего вида [14, с. 5].

Зачастую, тенденция развивается таким образом, что многие лидеры регионов сейчас становятся по сути своей блогерами в определенном смысле. Фактически страницы глав регионов, которые активно ведутся в социальных сетях являются первоисточником информации для СМИ и для граждан, что в конечном итоге упрощает путь информации от производителя до потребителя.

Согласимся с мнением Ю.А. Дроздовой, что имидж региона «естественным путем не создается, он является продуктом сознательного и управляемого осмысления, продуктом искусственно организованной общественной рефлексии и проектирования, предполагает изменение восприятия и оценки региона населением, как во внутренней среде региона, так и во внешней», и именно по этой причине к его формированию нужно подходить с крайней степенью профессиональной ответственности, тем более, что на кон ставится инвестиционная привлекательность пространства, осуществление «стратегии сопротивления межрегиональному неравенству и возрождения провинциального региона» [15].

Завершая нашу статью, хотелось бы сделать некоторые акценты, возможно, таким образом предвосхищая вопрос: «Стоит ли привлекать блогосферу в процесс создания столь важного показателя самости целого региона?». Однозначно отвечаем: «Да»! И в таком понимании способностей новейшей коммуникативной революции мы не едины: цитируем дословно А.О. Химченко, которая в публикации «Коммуникационная стратегия в работе пресс-службы органов местной власти» 2024 года [16], опираясь на исследования В.О. Киселева[1], заявляет, что «большое значение имеет выбор инструментов коммуникации. Они должны быть оптимальными и эффективными для взаимодействия с различными аудиториями. К таким инструментам могут относиться официальный сайт и социальные сети администрации, медийные каналы, блоги, форумы, PR-мероприятия и участие в мероприятиях различных партнеров» [17, с. 75; цит. по 16, с. 231]. При этом описывая основные функции пресс-службы муниципалитета[2] А.О. Химченко, среди прочего, указывает и на необходимость продвижения официальных аккаунтов местных властей в социальных сетях, и на разработку коммуникационной стратегии. В конечном счете, любые высококвалифицированные знания и усилия, предпринятые профессиональными сотрудниками, будут лишь работать на общий успех региона и качество людей, живущих в нем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лоцан, Е.И. Оценка привлекательности блогеров как инструмент продвижения бренда/товара в социальных сетях на примере красноярских блогеров / Е.И. Лоцан, Е.А. Якобсон // В сборнике: PR и реклама: традиции и инновации. Связи с общественностью: смыслы и технологии. Материалы Всероссийских научно-практических конференций с международным участием : в 3 ч. Красноярск, 2022. – С. 189-198.

2. Акулич, М. Инструменты интернет-маркетинга. Маркетинг влияния и ньюсджекинг / М. Акулич. – М : Издательские решения, 2017. – 50 с.

3. Питерс, Т. Преврати себя в бренд! 50 верных способов перестать быть посредственностью / Том Питерс ; пер. с анг. Сергея Филина. – 2- изд. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 240 с.

4. Козлова, А. Ваш персональный коучинг успеха. Руководство к действию / А. Козлова. – СПб. : Весь, 2013. – 272 с.

5. Кеннеди, Д. Жесткий бренд-билдинг / Д. Кеннеди. – М. : Альпина Паблишер, 2018. – 290 с.

---

[1] Об этом более подробно см: Киселев, В.О. Взаимодействие пресс-служб органов власти и компаний-инвесторов: борьба или сотрудничество / В.О. Киселев // Территория и планирование. – 2011. – №1 (31). – С. 74-76.

[2] Несколько ранее на значение работы пресс-службы как важнейшего инструмента взаимодействия между целевой аудиторию и органами власти указывал А.В. Аброчнов; об это более подробно см: Аброчнов, А.В. Организационная структура пресс-службы / А.В. Аброчнов // Связи с общественностью в государственных структурах: альманах – 2005. – 220 с.

6. Федорова, М.Н. Технология hr-брендинга компании в социальных медиа / М.Н. Федорова, А.Д. Галюк // В сборнике: Гуманитарные, естественно-научные и технические решения современности в условиях цифровизации. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2021. – С. 308-312.

7. Цветкова, П.И. Факторы, влияющие на успешность брендинга и продакшена медиа-проекта / П.И. Цветкова // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. – 2021. – № 2-2. – С. 193-201.

8. Хант, Ли Основы телевизионного брендинга и эфирного промоушен / Ли Хант // Под редакцией М.А. Асламазян, Г.А. Либергала, В.И. Даниличева. – Нью-Йорк-Москва, 2003. – 144 с.

9. Белов, И.А. Брендинг в киноиндустрии / И.А. Белов // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы III Всероссийской научно-практической конференции 1-3 марта 2017 года / Под редакцией профессора А.Д. Кривоносова. – Санкт-Петербург: Издательство СПбГЭУ, 2017. – С. 159-160.

10. Anholt, S. (2007). Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. – New York: Palgrave Macmillan. – 134 p.

11. Брендинг территорий [Текст] : лучшие мировые практики : [Аккра и др.] / под. ред. Кейт Динни ; пер. с англ. Веры Сечной. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 331 с.

12. Брусова, А.С. Формирование бренда региона как основы обеспечения сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации [Текст] : на примере Ивановской области / А.С. Брусова, И.А. Щепина // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 14. – С. 4-42.

13. Горовенко, В.А. Современные тенденции брендинга: особенности развития территориального брендинга // В.А. Горовенко, Н.Ю. Самоненко // В сборнике: Инновационные перспективы Донбасса. Материалы 7-й Международной научно-практической конференции. – Донецк, 2021. – С. 78-83.

14. Турсунова, Э.Д. Политико-коммуникативная деятельность пресс-службы органов власти как инструмент формирования имиджа политического лидера / Э.Д. Турсунова, Н.Р. Иманкулова // Евразийское Научное Объединение. – 2019. – № 5-5 (51). – С. 369-374.

15. Дроздова Ю.А., Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ (на примере Волгоградской области) Волгоградский филиал ФБГОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы» / Ю.А. Дроздова // Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2013 – Волгоградская область, а(р) – проекты проведения научных исследований, выполняемые научными коллективами или отдельными учеными (региональный конкурс). Российский гуманитарный научный фонд, Москва. Итоговый отчет. – 2014. – https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53783552.

16. Химченко, А.О. Коммуникационная стратегия в работе пресс-службы органов местной власти / А.О. Химченко // В сборнике: Студенческие научные исследования. Сборник статей XIX Международной научно-практической конференции. Пенза, 2024. – С. 229-231.

17. Киселев, В.О. Взаимодействие пресс-служб органов власти и компаний-инвесторов: борьба или сотрудничество / В.О. Киселев // Территория и планирование. – 2011. – №1(31). – С. 74-76.

18. Аброчнов, А.В. Организационная структура пресс-службы / А.В. Аброчнов // Связи с общественностью в государственных структурах: альманах – 2005. – 220 с.

19. Родькин, П.Е. Универсальная модель территориального бренда в контексте проблемы его репрезентации / П.Е. Родькин // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА им. С.Г. Строганова. – 2021. – № 4-2. – С. 20-29. – DOI: 10.37485/1997-4663_2021_4_2_20_29. – EDN: DJZWBJ.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Файл с текстом статьи должен иметь расширение *.doc или *.docx. Разметка страницы: поля со всех сторон 2 см, ориентация книжная, формат А4. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер (кегль) 14, абзацный отступ 1,25 см, межстрочный интервал полуторный с использованием автоматической расстановки переносов. Аннотация (от 100 до 150 слов); ключевые слова на русском языке (от 8 до 15 слов). Название статьи, аннотация, ключевые слова, сведения об авторах должны быть переведены на английский язык.

Исключить громоздкие цифровые и формульные таблиц ы, а также рисунки, более, чем на 0,5 страницы. Все таблицы и рисунки должны быть в тексте, подписаны, ссылки на них по тексту обязательны.

Список использованной литературы составляется по алфавиту в конце статьи в соответствии с ГОСТ. Источников литературы не менее 10 источников. Ссылки на литературу в тексте отмечаются арабскими цифрами в квадратных скобках.

В статье должны быть указаны следующие сведения о каждом авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); место работы и должность; ученая степень; домашний адрес (если необходимо почтовый экземпляр); контактный телефон; адрес электронной почты. Название ВУЗов полностью, без сокращений.

Максимальное число авторов в статье – 4.

Процент авторского текста должен составлять не менее 75%.

Текст статьи должен включать в себя следующие обязательные компоненты:

- индекс УДК (универсальной десятичной классификации). Желательно, чтобы индекс УДК автор подбирал совместно со своим научным руководителем, поскольку индекс влияет на отнесение статьи к той или иной специальности, что важно для учета публикаций при защите диссертации;
- авторские метаданные (Ф.И.О. автора (авторов), сведения о месте работы с полным названием учреждения (учреждений), город и государственная принадлежность);
- название публикации (не следует использовать в названии формулы, а также сокращения и аббревиатуры);
- аннотацию. Ее объем аннотации должен составлять 100–150 слов. В аннотации содержится конкретное и краткое изложение проведенного исследования и его результатов. Допускается отсутствие аннотации в текстах рецензий, отчетов, обзоров, отзывов и иных подобных материалов;
- блок ключевых слов (не менее 8 и не более 15 единиц). Ключевые слова выстраиваются в первую очередь по значению, во вторую – в алфавитном порядке;
- собственно текст статьи;
- сведения об источниках финансирования исследования (при наличии): номер и наименование гранта, организация-грантодатель;
- список использованных при подготовке статьи источников (литературы);
- сведения о дате подготовки статьи.

Для публикации в журнале необходимо направить на адрес электронной почты: Acabem.rus@yandex.ru текст статьи на рецензирование. Название файла -фамилия первого автора

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна
Издательство: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»,
Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1
Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289
Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ
ISSN электронного сетевого издания 3034-1337
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия Эл № ФС77-87087 от 01 апреля 2024 г.
E-mail: Acabem.rus@yandex.ru
Вебсайт: https://rostizdat.ru/nachala-russkogo-mira/
Выход в свет 15.09. 2024г., объем 6,23 п.л.
Цена свободная

ISSN 3034-1337

9 773034 133006 >